

Гиперборея

Юрий Никитин

Князь Рус

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Князь Рус / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998 — (Гиперборея)

Чех, Лех и Рус – дети великого царя Пана. Козни врагов вынудили их покинуть родину и в компании немногих верных друзей уйти далеко на Север, в неведомую Гиперборею. Но холодные земли этой загадочной страны отнюдь не были пустынно, и братьям пришлось взяться за оружие, чтобы доказать свое право владеть ею. Вот только удастся ли им это?

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	65
Глава 14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юрий НИКИТИН

КНЯЗЬ РУС

Часть первая

Глава 1

Плотная стена пепла и пыли поднялась от черной земли, перегородила мир и мощно уперлась в синее небо. Лишь когда редкий ветерок сдвигал ее в сторону, проступали как страшные призраки серые костлявые животные, усыпанные пеплом, жуткие в неподвижности всадники и похожие на гробы, оплетенные серебряной паутиной крытые повозки.

Но ветер затихал, и снова из пыльной тучи скрипели колеса, тоскливо ревел скот, щелкали бичи. Длинная цепь телег тянулась по выгоревшей земле, людей сотрясал сухой кашель, все выплевывали серые комья, задыхались, проклинали бога степных пожаров. Чех трижды велел останавливаться, ждали отставших. А его младшие братья, Лех и Рус, носились на конях впереди, искали языки земли с травой, которую миновал степной пал.

Но еще больше сердца сжимались, когда облако пыли вздымалось позади. Мужчины хватались за оружие, изможденные лица мрачнели. Последняя сотня разом останавливалась, поворачивалась к нарастающему гулу. А женщины нахлестывали измученных коней и волов, те тоскливо и надсадно ревели, но шагу не прибавляли.

Из желтого облака выныривал то табун диких коней, то стадо туров, и мужчины спешили догнать повозки. Надо помогать тащить, толкать сзади, хвататься за колеса, ибо волы и кони отощали так, что ребра едва не прорывают шкуру. Бедные звери едва тащат самих себя.

Лето только началось, но жара сожгла землю, траву и даже воздух. Когда сворачивали в лес, под сень вековых деревьев, там вместо прохлады натывались на стену спертого воздуха. Скот, что тащился из последних сил, падал без сил. Трупы попадались на каждом шагу. А уцелевшие животные, зачуввав воду издали, мчались к ней как ошалевшие, опрокидывали повозки, выкидывая женщин и детей, топтали копытами.

Коней берегли особо, но, к ужасу беглецов, начали падать даже они. Ночами не давали спать комары, их расплодилось видимо-невидимо. Днем душил мощный запах живицы. Из-за небывалой жары деревья просто истекали ею, воздух заполнился вязким горьким запахом.

А на сороковой день Исхода даже ночью жара не спадала. Кони храпели и рвались с поводьев. В гнездах кричали разбуженные птицы. Люди у костров со страхом всматривались в ночную тьму.

– Знамение, – сказал кто-то шепотом.

– Чуют, – ответил другой тоже тихо.

– Людям дан разум, а скотине боги дали чутье...

– Беда настигает! Всем нам смерть.

– Неужто боги на стороне силы, а не правды?

Рано утром Гойтосир, старший волхв, объявил по всему измученному отряду:

– Мы уже идем по чужим землям. Здесь другие боги. И кто знает, чего они жаждут.

Суровое лицо, темное от ударов ветра, мороза и ливней, было иссечено глубокими морщинами, но глаза под нависшими седыми бровями горели мрачным огнем решимости. Высокий, он и в свои семьдесят весен держал спину прямой, с коня в повозку почти не пересеживался, и всякий зрел, что бывший воин-поединщик и ныне бьется за племя. Теперь уже – с чужими богами.

Чех с высоты своего исполинского белого коня угрюмо оглядывал растянувшуюся на версты колонну. Он был в расцвете мужской силы, гигант с золотыми волосами, красиво падающими на плечи. А плечи настолько широки, что приходилось поворачивать голову, чтобы видеть то одно, то другое. Мощные пластины груди казались выкованными из светлой меди, а в спокойно лежащих на луке седла руках, толстых, как стволы молодых ясеней, чувствовалась несокрушимая мощь. На плече зеленел лист подорожника, середина стала коричневой от засохшей крови. Еще две небольшие раны, почти зажившие, были на груди. Коричневые струпья отваливались, обнажая свежие багровые шрамы под тонкой пленкой молодой кожи, под которой пульсировало красное мясо.

– Жертву? – проронил он густым, сильным голосом.

– И поскорее, – подтвердил Гойтосир.

– Обряды?

– Боги подскажут, – ответил Гойтосир уклончиво.

Остановившись на ночь, они стащили в кучу два десятка сухих стволов. Чех с младшими братьями сам выбирал скот, самый исхудавший, а на вершину положили самое дорогое, что есть у любого племени, – трех младенцев.

Когда оттаскивали плачущих матерей, те пытались броситься в огонь вслед за детьми, Чех пробурчал, ни к кому не обращаясь:

– Все равно бы не выжили. Двое мечутся в жару, а у матери третьего молока не больше, чем в огне воды.

Лех и Рус смотрели со страхом и восторгом. Их старший брат, рискуя вызвать гнев богов, отдавал им слабых, а сильных берег, в то время как их отец Пан всегда приносил в жертву самых здоровых и красивых, дабы угодить богам.

Краду подошли с четырех концов. Огонь занялся сразу так мощно, что казалось, будто горит сама земля. Пламя гудело торжествуя, свивалось в огненные жгуты. Сквозь щели в стене огня было видно, как маленькие тела корчились, вздымали к небу ручки, пробовали перевернуться, уползти от огня, но детская кожа трещала и пузырилась, наконец вспыхнула слабыми оранжевыми огоньками. В следующий раз увидели детские тела уже почерневшими, затем огонь с ревом и гулом начал поднимать вверх уже не искры, а целые поленья.

Гойтосир отступил от пламени, повернулся к жертвенному костру спиной. Лицо стало красным от жара. Он торжественно вскинул костлявые руки:

– Жертва принята!

И снова вздымалась красноватая пыль, исхудавшие волы тащили расшатанные повозки из последних сил, тоскливо взрывали. Мужчины, что покрепче, хватались за колеса, видно было, как под темной от солнца кожей вздуваются жилы. Люди тоже исхудали, но запавшие глаза смотрели упорно, жажда жизни горела, как багровые угольки под толстым слоем пепла.

Обгоняя повозки, из конца в конец проносились всадники на легконогих злых конях.

Одна повозка постепенно отставала. Колеса расшатались, усталые, исхудавшие волы едва не выпадали из ярма, ноги дрожали от усилий. На старых шкурах в глубине повозки лежал огромный мужчина. Рядом сидела сгорбленная женщина, веткой отгоняла мух. Целый рой огромных и зеленых мух сопровождал их последние два дня неотступно, доводил до иступления, не желал дожидаться, когда можно будет безнаказанно ползать по неподвижному лицу и откладывать яйца в застывшие глаза, ноздри, уши.

Рус обогнал, он сидел на высоком диковатом жеребце, черном как ночь Ракшасе, с жалостью кивнул женщине. Мужчина, это был великий воин по имени Кровавая Секира, не ответил, метался в горячке. Недели тому в схватке с чужим племенем дрался против дюжины, всех побил, но был изранен так, что не мог держаться в седле. На этот раз могучая стать дрогнула: вместо того чтобы раны зажили так же быстро, как заживали раньше – не зря весь в шрамах,

на этот раз распухали, гноились, из них шло настоящее зловоние. Он метался в жару, скрипел зубами, постанывал, когда был уверен, что его не слышат.

Руса догнал Лех, кивнул в сторону Кровавой Секиры:

– Что говорит волхв?

– Боги решают... Возможно, заберут к себе.

– Нам будет недоставать его силы, – прошептал Лех.

– Он заслужил место в вирии!

– Да, он будет сидеть рядом с богами, – согласился Лех невесело, – но рядом с нами его место опустеет.

Он коснулся лба, где пламенела вспухшая сизая полоска. В последнем бою Кровавая Секира закрыл его своим щитом, только и стукнуло по лбу деревянным краем, а сам буквально расплескал напавшего, так что Леху не удалось расквитаться.

– Я тоже буду ждать с ним встречи, – проговорил Рус. – Он учил меня ездить на коне...

Лес перемежался полянами, и только в одном месте земля вздыбилась, словно решила поставить гору, но сил не хватило, разродилась пологим холмом, зеленым, но без деревьев, только трава и кусты. Повозки шли мимо, но на самой вершине братья заметили Чеха. Их старший брат недвижимо, как скала, возвышался на таком же угрюмом и неподвижном коне, белом, как первый снег. Оба с конем неотрывно смотрели на север.

Лех натянул поводья. Его конь, красный как закат, поднялся на дыбы, яростно замолотил воздух крепкими копытами.

– Впереди дым!

Рус принялся:

– Едой не пахнет.

Усталые кони нехотя взбирались на холм, кряхтели, норовили остановиться. Рус наконец соскочил, потащил коня в поводу, жалел бедного зверя, а Лех спрыгнул еще раньше: не терпелось увидеть то, что зрел старший брат.

Каменистая вершина нагрелась так, что сквозь толстые подошвы из свиной кожи шел сухой жар. Земля потрескалась, камни соприкасались боками, старые и белесые, как бороды стариков.

Чех приложил ладонь козырьком к глазам, долго осматривал видноту. Вдали к небу поднимался черный столб. Крупные ноздри дрогнули раз-другой.

– Это не пожар, – сказал он наконец.

– А что? – спросил Лех быстро.

– Пахнет горелым мясом.

– Война? Набег?

– Нет. Жгут живое.

Конь качнулся вперед, камни под бронзовыми подковами злобно звякнули. Лех и Рус молча смотрели, как старший брат спускается с холма. Да, умеет по едва уловимым запахам видеть целые картины. Но главное, умеет делать правильные выводы. Рус не сомневался, что он или Лех, будь у них такой же нюх, увидели бы совсем другое. И поняли бы вовсе не так.

Торопливо догнали, Рус сказал мечтательно:

– Наверное, приносят жертвы! Праздник... Едят вволю...

Глаза затуманились старыми воспоминаниями. Кадык дернулся, Рус шумно сглотнул слюну. Лех протяжно вздохнул. Чех покачал головой:

– Нет. Обьедем.

Он слышал, как ахнул Лех, а Рус жалобно вскрикнул. Впереди зеленая долина, а по обе стороны холмы, белеют камни, шумят кусты, скрывая овраги. Конечно, Чех прав, их измученному народу достаточно одной стычки, чтобы исчезнуть, но их может убить и дорога по камням!

– Брат, – сказал Лех просительно, – позволь, мы с Русом подкроемся поближе, посмотрим. Если вдруг какая для племени беда, то разве не лучше узнать загодя?

Чех смотрел исподлобья, колебался. Подросли, мужают быстро и яро. Первые из тех беглецов, что ушли в нелегкое изгнание, первые в новом племени. Хотя племя – это лишь кровное потомство тех, кто изошел из твоих чресел. Но это осталось там, в царстве их деда. Тот в самом деле настоящий племенной бык: от жен и наложниц наплодил пять тысяч сыновей и дочерей, а те в свою очередь дали пятьдесят тысяч внуков. Сколько правнуков, он и сам не знает, племя быстро растет и все еще захватывает у соседей земли...

Он услышал протяжный вздох Леха, самого нетерпеливого, и понял, что снова углубился в мысли, забыв, что братья ждут ответа.

– Только близко не подходите! – предупредил он. – Кто-нибудь пусть останется с лошадьми в зарослях. Лучше ты, Рус. А ты, Лех, подкроешься поближе и вызнай, что у них за сила, сколько мечей, больно ли злы и как одеты.

Лех завизжал от радости, подпрыгнул, а Рус молча, чтобы не выдать счастливую улыбку, повернулся к своему вороному. Чех покачал головой. Лех скакнул в седло, конь под ним прыгнул с места, будто из пращи выстрелили красной молнией. Рус проводил брата долгим взглядом, прежде чем послать своего жеребца следом. Лех неся прямой в седле, золотые волосы развеваются за спиной солнечными крыльями, как живые струи прыгают по рукояти гигантского меча, что торчит за спиной на широкой перевязи. Когда Рус догнал, Лех обернулся, блеснул белыми ровными зубами:

– Не часто Чех бывает таким щедрым, верно?

– Он вообще-то добрый...

– Когда спит носом к стене!

Оба, не сговариваясь, оглянулись. Их старший брат уже ехал в окружении бояр, насупленный и неподвижный, как гора, на таком же огромном и медлительном коне. Золотые волосы блестели на солнце, как и голые плечи, массивные и тяжелые, как валуны, округленные ветрами, ливнями, морозами. У седла торчит притороченный боевой топор, любимое оружие, волчья душегрейка растянулась на груди, открывая могучие глыбы мышц, похожие на каменные плиты. Но взгляд Чеха невесел, на лице лежит печать глубокой тревоги.

– Это не щедрость, – вздохнул Рус. – Наверняка впереди беда. И нам нужно ее обойти.

– Да, Чех зря не скажет.

Кони пошли вперед лихим наметом, оставляя повозки и всадников далеко позади. Лех оглянулся только однажды:

– А где Бугай?

– Прикрывает Исход.

Кони неслись ровным галопом. Лех помрачнел, больше не спрашивал. Их дядя Бугай, самый могучий воин, с отрядом сильных мужчин едет не спереди, а сзади, потому что спереди всего лишь неведомая опасность, а сзади...

Рус даже вздрогнул, в ушах явственно прозвенел зловещный смех. В небе быстро неслись тучи, и уstraшенный Рус вздрогнул, увидев, как в разрывах облаков проглянуло искаженное ненавистью лицо женщины.

Глава 2

Мягкий мох глушил стук копыт, деревья бежали навстречу, расступались быстро и услужливо. Когда впереди наметился просвет, братья разом соскочили с седел. Кони послушно шли в поводу, Лех подергивал носом, в глазах была жажда приключений.

Легкий ветерок дул в их сторону, в нем чувствовался запах горящего дерева, сжигаемой плоти, масла, бараньего жира. Рус уловил даже аромат вишневого дерева, он странно смешивался с запахом паленой шерсти.

Лех приподнял палец, Рус кивнул, взял Ракшаса за узду. Если вздумает заржать, а это он умеет в самое неподходящее время, то надо успеть зажать ему пасть.

Последние деревья ушли в стороны. Впереди легла, как расстеленная шкура, ровная долина. Вдали темная стена леса, но на серо-коричневом поле белеют хатки, с севера и востока их защищает река, а с запада зеленеет ухоженный сад. Хаток десятка три, землепашцы, они селятся кучно, земля всех прокормит, вон поля и огороды, посреди села видны столбы их богов, а народ как раз толпой валит к околице...

Рус сощурил глаза. Рассмотреть все не удавалось, только и видно, что одеты добротно, ярко, даже нарядно. В руках вишневые ветки с цветами, у женщин на головах вроде бы венки.

– Можно подойти ближе, – предложил Лех. – Вон там земля поднимается, за ней можно пробраться ближе.

Он переступал от нетерпения, а конь за его спиной дергался, натягивал поводья. Глаза Леха горели возбуждением, на щеках выступил жаркий румянец.

– Чех наругается, – сказал Рус нерешительно.

– За что? – удивился Лех. – Мы вообще должны ехать на сутки впереди своего рода... своего племени! Видеть дороги, заранее замечать опасности. Разве он не так наказал?

Рус пожал плечами. Все правильно, но Лех аж визжит от нетерпения как можно больше увидеть и познать в таком огромном мире. И хотя их послали впереди своего народа для выявления дорог, но Лех и без наказа бы скакал впереди. И Руса бы уговорил. И потому, что младшего брата уговорить всегда легко, и еще потому, что Русу самому интереснее скакать впереди, чем глотать пыль от задних повозок в охране или же трястись на телеге вместе с женщинами и стариками.

– Чех все равно наругается, – сказал он убежденно. – Ладно, только не слишком близко! Издалека, понял? И сразу вернемся.

– Конечно-конечно, – поспешно согласился Лех, – только поглядим!

По эту сторону вздыбленной земли была еще и низинка, пробрались ближе, даже не пригибая голов. Осторожно выглянули, и Рус слышал, как Лех сразу шумно выпустил из груди воздух. Дома слишком добротны, сделаны на века, в таких живут из поколения в поколение. Точно не степняки, кормятся с полей. Значит, кони сильны и могут сохой с утра до вечера вспарывать землю, но в скачке быстро выдыхаются. Да и не много здесь коней, в таких селах главное – волю, а богатство даже не коровы, а свиньи, куры, гуси...

Дома стоят кругом, оттуда хорошо вести оборону, а на чистой от строений площади толпится народ. В самой середке белеет свежеструганными досками помост, в центре высится остроконечный столб. К столбу... привязана женщина.

Лех зашипел зло, но младший брат, словно не слыша, пополз вперед. Ни одна веточка не хрустнула под его телом, да и хрустнула бы – кто услышит, все повернули головы к помосту. Рядом с женщиной стоит волхв с седыми волосами на плечах и длинной бородой, убранной в две косы. В правой руке держит каменный нож, левой показывает народу большую жертвенную чашу.

Лех видел, как люди вздымают кулаки, слышал крики. Мужчины сажали детей на плечи, чтобы тем было лучше видно. Волхв продолжал показывать жертвенную чашу для сбора крови. Солнце светило ярко, Лех рассмотрел даже странный узор в виде двух змей.

Рус подполз еще ближе, тихо раздвинул ветви. Дыхание вырвалось из груди со всхлипом, словно получил удар в живот палицей. Женщину привязали спиной к столбу, ее ослепительно белое обнаженное тело блистало как яркий солнечный луч среди темных от солнца и покрытых пылью и грязью лиц. Но что голая, кто не видел нагих женщин, Рус не мог оторвать вытаращенных глаз от дивных волос женщины: иссиня-черные, как воронье крыло, пышные и длинные, почти до пят! Он твердо знал, что таких волос не может быть у человека. Охотники этого племени явно поймали демона ночи.

– Лех, – сказал он торопливо, – Лех...

– Что с тобой? – спросил Лех удивленно. – Тебя трясет, как медведь грушу! И побелел весь.

– Лех, – повторил Рус шепотом, он ощутил, что и голос дрожит как лист на ветру. – Лех, я должен ее спасти.

Лех дернулся от удивления так, что даже конь за ним присел и замотал мордой. А его младший брат смотрел вытаращенными глазами, шлепал губами, как карась перед червяком на крюке. Лицо стало жалким, будто вот-вот заплачет. Таким он становился, когда подолгу смотрел на усыпанное звездами небо.

– Спасти? – переспросил Лех недоумевающе. – Но ее лишь отдадут местному богу! Это невеста...

– Я не кланяюсь чужим богам, – прошептал Рус. – Для меня он не бог.

– Но ежели он не отдаст? – хмыкнул Лех. – Ты хоть понимаешь...

– Я не Чех, чтобы понимать, – ответил Рус свистящим шепотом. – Я чувствую, что я не должен... что я должен... эх, не разумеешь! У меня вот тут в груди прямо криком кричит.

Отсюда из-за веток было ясно видно, как волхву подали черного петуха, барана и что-то мелкое, похожее на летучую мышь. Он замахнулся широким топором, острый солнечный блик кольнул Руса в глаз так неожиданно, что Рус отпрянул, потом топор беззвучно опустился, голова петуха отскочила, и лишь тогда до братьев долетел глухой стук топора о жертвенную колоду. Под крики толпы волхв разрубил барана, зачем-то трижды бил по крохотной мыши, если то была мышь, не попадал, видно, наконец с громким воплем вскинул к небу окровавленный топор.

Кровь жертвенных зверей двое помощников собрали в чашу, перемешали и побрызгали женщине руки и ноги. Народ вопил, на невесту указывали пальцами. На помост бросали цветы, венки. Затем волхвы отвязали ее от столба, народ расступился, она медленно сошла с помоста. Ее повели по узкому проходу в сторону реки.

Держалась она ровно, смотрела прямо перед собой. На голове был венок из белых цветов. Разница между белой кожей и иссиня-черными волосами была настолько яркой, что Рус снова ощутил удар под дых, а горячая кровь ударила в голову с такой силой, что он качнулся. Волосы черным водопадом струились по прямой спине, касались ягодиц, небольших, но вызывающе оттопыренных.

У нее были длинные стройные ноги, высокая грудь, больше Русу рассмотреть не удавалось, но он не сомневался, что богу воды в невесты выбрали самую красивую. Везде в племенах отыскивали самых красивых девушек и топили в угоду богам рек, озер и небесной влаги.

Лех смотрел заинтересованно. В их племени тоже топили самую красивую, но только ранней весной, когда просили дождя на все лето, убеждали убереечь поля от наводнений и засухи.

– Наверное, давно дождя не было, – сказал он знающе.

– Похоже, и не будет, – прошептал Рус.

– Почему?

– Я же сказал, чужим богам не поклоняюсь.

– Ты еще не одумался?

– Если даже своих богов не боюсь, а лишь почитаю как прародителей, то что мне чужой урод?

Лех укоризненно покачал головой. Он знал, что отважен, и знал, что другие это знают. Но стоит ли заводить врага в лице чужого бога? Да еще на его земле?

– Брось, – сказал он сердито. – Она ж черная!

– Да, – прошептал Рус яростно и восторженно. Его глаза не отрывались от белого тела девушки, наполовину скрытого черными волосами.

– Как ворона!

– Да...

– Как осмоленная головешка!

– Да... – ответил Рус зачарованно. – Зато тело белое.

Лех фыркнул с пренебрежением и жалостью к убогости брата. Всяк знает, что у женщины волосы должны быть как расплавленное золото, похожие на солнечные лучи... или в худшем случае – на колосья спелой пшеницы. Кому из мужчин таких женщин не достается, тот берет рыжих. Правда, их у скифов немного, почти все женщины их крови золотоволосые и дивные ликом, а самая лучшая из них – дочь Степного Орла, воеводы Пана...

Он вздохнул, отогнал сладостные воспоминания. Рус сопел рядом, вытирал сопли, кричал, его большие руки суетливо щупали то палицу, то швыряльные ножи.

– Не чешись, – раздраженно сказал Лех. – Отползаем. Мы увидели все, что велел Чех.

Они вернулись к коням, но дальше Рус вскочил в седло и повернул своего жеребца в сторону реки. Лех смотрел вопросительно. Рус сказал сдавленным голосом:

– Я не отдам ее в жертву.

– Дурень, ты-то при чем? – сказал Лех насмешливо. – Отдают люди, у которых на это право. Отдают свое. Своему богу!

Доводы его были несокрушимы, как горы, и ясны, как небо над головой. Когда Чеха не было рядом, Лех чувствовал, что говорит и поступает как их старший брат, ибо после Чеха он старший, обязан заботиться о Русе, самом младшем. Да и, положив руку на сердце, не самом удачнейшем.

– Другую выберут, – буркнул Рус. – Другую не жалко.

Он ударил Ракшаса пятками в бока. Обиженный конь взвился и пошел с места в галоп. Из-под копыт вылетели комья земли. Лех выругался, от Руса одни беды.

Свадебная группа под стук барабанов и рев трембит уже подошла к воде. Мелкие волны набегали на берег, сквозь чистую воду был виден оранжевый песок и мелкие камешки. Серебристыми наконечниками стрел мелькали рыбешки.

Волхвы воздели руки к небесам, что-то кричали, перекивая гнусавые звуки труб. Двое дюжих помощников обвязывали огромный валун. Девушку подвели ближе, она двигалась как во сне, еще один камень принялись привязывать к ногам.

Волхв вскинул руки, трубы умолкли. В толпе перестали перешептываться, жадно вытянули шеи. В задних рядах парни сажали девок на плечи. Слышно было, как негромко плещут волны. Волхв повернулся к невесте, его старческие глаза с одобрением пробежали по ее обнаженному телу.

Он поднял к небу обе руки, раскрыл рот... и оглянулся с недоумением. Вдоль берега нарастал грозный грохот копыт. В толпе начали оглядываться, кто-то завизжал дурным голосом. Тут же закричали другие.

Прямо на них неся всадник-исполин на огромном как гора и черном как ночь коне. Он был страшен, как бог грома, а из синих глаз люто смотрела сама смерть. Золотые волосы трепало ветром.

Рус успел увидеть, как женщина вскинула голову. Их взгляды встретились, в глазах женщины вспыхнули страх и безмерное удивление. В следующее мгновение могучая рука Руса смела ее, как тростинку. Ракшас даже не замедлил галоп, женщина вскрикнула от удара о твердую, как дерево, грудь незнакомца. Рус придерживал, как ему казалось, бережно, но она едва могла дышать, вжатая в широкую грудь, которую с закрытыми глазами приняла бы за скалу, разогретую солнцем.

Сзади раздались крики. Конская спина под ними колыхалась ровно и мощно, в ушах свистел ветер, а брызги воды взлетали выше головы. Их бросало встречным ветром в лица. Одежда промокла, Рус выждал, когда берег потянется пологим и чистым от кустов, направил коня вверх. Женщина замерла, он слушал, как часто-часто колотится ее сердечко, все тело было мягким и нежным, как будто создано из молока и меда.

Конский топот настигал, Рус узнал стук копыт коня Леха. Вскоре тот догнал, с любопытством смотрел на женщину, прильнувшую к груди Руса. В руке брата покачивался длинный меч, забрызганный кровью по самую рукоять. Красные брызги пламенели и на сапоге, но, судя по ухмылке Леха, то была чужая кровь.

Заметив их взоры, он небрежно вытер лезвие о конскую гриву, с громким лязгом задвинул в ножны за плечами.

– Еще не жалеешь?

– Нет, – выдохнул Рус.

Его переполняла нежность, он не думал, что может вот так задышаться от счастья, что в руках женщина – сколько их было! – а не от лихой скачки на горячих конях, не на охоте, не в бою.

Лех оглянулся:

– Пока погони нет. Но кто знает...

Ветер трепал ее волосы и мешал Русу видеть дорогу. Женщина наконец слегка отстранилась, взглянула ему в лицо. У него пересохло в горле. Смуглое, нацелованное солнцем, лицо было прекрасным, но совсем не похожим на лица женщин его племени. У нее крупные глаза, темные как ночь, что немыслимо для человека, длинные ресницы, настолько длинные, что он бы не поверил, нос тонкий и длинный, с красиво вырезанными ноздрями, скулы гордо приподняты, а губы сочные и полные, как спелые вишни.

Даже Лех, что еще оглядывался на возможную погоню, все чаще посматривал на женщину в руках младшего брата. Встретившись взглядом с Русом, одобрительно кивнул. Младший брат, обычно все делающий невпопад, на этот раз ухватил ту женщину, за которую стоит убивать, жечь и даже ссориться с чужими богами.

– Давай вон за тот гай, – распорядился он. – Если и вышлют погоню, там потеряют.

– Не разминемся со своими?

– Отыщем, – бросил Лех уверенно.

Рус послушно повернул коня. Надо уводить возможную погоню как можно дальше от племени. Измученные люди не выдержат столкновения.

Лех догнал, его распирало довольство. Не выдержал, бросил как бы мимоходом:

– А слабый здесь народец...

– Да ну? – спросил Рус. Он видел, что хочет сказать Лех, к тому же при женщине редкий мужчина удержится от хвастовства. – Надо ли было?

Лех оскорбился:

– Да они ж хотели тебе спину стрелами истыкать!.. А один уже камень в пращу заложил. Я едва успел меч выхватить.

Рус смолчал, что меч Лех вытащил задолго до нападения на свадьбу, а Лех закончил совсем хвастливо:

– Трое уже не встанут. Одного пополам развалил, другого от плеча до пояса, а третьему только голову снес. А зачем, спрашивается, дурню голова? Еще четверых стоптал, всю жизнь на лекарей будут трудиться. Эх, мельчает народ, как говорит наш мудрый волхв Гойтосир!

Он повел плечами. Красный конь несся ровным галопом, Лех покачивался в седле стройный, как молодой ясень. Волчовка на груди распахнулась, обнажая широкие пластины груди, живот тоже был в ровных валиках мышц. Встречный ветер трепал золотые волосы, синие глаза смотрели с дерзкой удалью.

Женщина мелко-мелко дрожала в руках Руса. Он перевел Ракшаса на шаг, снял свою волчовку и набросил ей на плечи. Она прошептала что-то, в голосе он уловил благодарность.

– Ладно, ладно, – сказал Рус с неловкостью. – Я просто не хочу, чтобы на мою женщину глазело все племя. Особенно один там есть, совсем бесстыжий.

Лех громко хмыкнул. Рус прорычал:

– Опять задираешься?

– Да нет, но она в самом деле хороша, – откликнулся Лех с усмешечкой. – Правда, я не успел рассмотреть как следует, мой меч пел победную песнь славы, а сердце возвеселялось в звуках брани, но вижу, что у нее грудь, как у молодой козы, а бедра спелые, как тыквы. Правда, под мышками волосы, да еще черные...

– Ты слишком много рассмотрел, – буркнул Рус с неприязнью. – Слишком! А ты, женщина, запахнись получше. От взглядов этого... по всему телу остаются жирные пятна размером с миску. А то и с медный таз. Да и ветер здесь, а ты нежная, как паутинка.

Их кони неслись бок о бок вдоль реки к лесу, селение осталось далеко позади. Река медленно поворачивала влево, берег становился круче, обрывистее. Лех внезапно расхохотался:

– А ты все-таки отнял невесту у бога! Не знаю, чего в тебе больше: отваги или дурости. Теперь за нами погоня.

– Кто? Бог?

– Пока его слуги.

Рус оглянулся. Из далекого селения на дорогу вымахнули люди на конях. Отсюда выглядели совсем крохотными, но в темных фигурках чувствовалась угроза. Не меньше десятка, а из-за домов выплескиваются все новые и новые конники.

– Быстрее, – велел он коню. – Что тебе эти вислозадые лошадки? Мы уйдем от любой погони.

Лех мчался рядом, искоса поглядывал на женщину. Спросил хрипло и весело:

– Не побоишься? Бог, когда догонит, ка-ак шарахнет по затылку! Мокрое пятно останется.

– Если догонит, – буркнул Рус.

– Бог?

– И у богов растут кривые ноги.

Он бережно, но крепко прижимал к себе спасенную. Ее черные волосы растрепало ветром, тонкие шелковые пряди струились по его лицу, словно чистые струи ручья по гранитному ложу. Тело ее вздрагивало, то ли от пережитого страха, то ли от упругого встречного ветра.

– Бог да не догонит? – снова удивился Лех.

– Волхвы говорят, – крикнул Рус с веселой злостью, – что боги ничего не делают сами! Все руками людей. А от здешнего людья мы да не отмахнемся? Они что овцы для моей палицы и твоего меча!

Глава 3

Раскаленная земля бросалась с грохотом под копыта и исчезала. Деревья прыгали навстречу, словно хотели расшибить вместе с конем, но в последний миг сами трусили и расступались, а он вламывался в простор, неся, как огромная стрела, как выпущенный могучей рукой бога камень из пращи, ногами сжимал бока горячего сильного зверя, а руками – озябшее гибкое тело с распущенными волосами.

То слева, то справа возникал всадник на красном, как пылающее небо, коне, золотые волосы трепало ветром, он что-то хрипло и задорно кричал, молодой и красивый, сильный, как юный бог, могучий, как тур.

Рус чувствовал, как изнутри рвется ликующий крик восторга, едва не заревел диким зверем, заставил себя крепче сжать женщину, а коню дал волю, тот сам рвется всласть отдаться скачке. Он слышал, что иные мужчины в азарте скачки, да если еще на горячем лихом коне, приходили в такой восторг, что визжали, вскакивали с ногами на седло, подпрыгивали, будто пробовали взлететь... и, теряя рассудок от восторга, иной раз калечились, а то и разбивались насмерть.

Он чувствовал, что близок к такому помешательству. Сердце колотится, как козел о ясли. Уже ребра заныли от ударов, а перед глазами застлало кровавым туманом от прилива дурной крови в голову. Он крепче прижал женщину к груди, она вскрикнула, а он едва не задохнулся от нежности. Вот оно, его сумасшествие...

Лех исчез, отстал, и Рус с великим трудом заставил себя подобрать повод. Ракшас яростно противился, хотел скакать и скакать, он тоже мог вообразить себя птицей; Рус застонал, рассудочность противна мужчине-воину, но пересилил, и могучий друг с четырьмя копытами понял, захрапел, начал замедлять бег.

Женщина решила оторвать голову от его груди. На него взглянули крупные глаза, странно темные, почти черные, с огромными расширенными зрачками. Брови тоже черные, сросшиеся на переносице, а нос удивительно тонок, с настолько красиво вырезанными ноздрями, что у него защемило сердце, почему-то захотелось смеяться от счастья и плакать одновременно. Волосы от встречного ветра трепало уже за спиной Руса, он чувствовал обнаженными плечами их прикосновение, похожее на легкие струи теплой воды.

Она что-то сказала, слова незнакомы, а голос волнующе звонок и чист, как вода лесного родника.

– Ты моя, – сказал он мощно. – И никаким богам не отдам!

Она снова что-то сказала, но Рус покачал головой. Сердце переполнено жгучей нежностью. Он, самый сильный и умелый, держит в руках самую красивую женщину мира, а белый свет несется вскачь навстречу и торопливо распахивает богатства: бери...

В спину стукнуло, затем больно клюнуло в затылок. Он ощутил боль, словно ястреб ударил острым клювом. Недоумевающе раскрыл глаза шире. Ветром заворачивает веки, женщина испуганно вскрикивала и указывала голой рукой ему за спину.

Рус оглянулся, голова дернулась в сторону, по волосам шелестнуло, и лишь тогда сообразил, что мимо вжикнула оперенная стрела! Сзади был грохот конских копыт, облако пыли, из которого выныривали оскаленные конские морды, пригнувшиеся всадники.

За ними гнались десятка два, но в движущемся пыльном облаке часто блистал металл, оттуда слышался лязг, крики, и Рус видел, как в обе стороны вылетали, будто выброшенные рукой бога, окровавленные всадники, а то и вместе с конями.

Затем вынырнул красный конь, почти серый от пыли. Лех, весь в грязи, как болотник, взмахом велел Русу скакать дальше, а сам размахивал мечом во все стороны, и за считанные

мгновения еще двое неуклюжих всадников отпрянули, зажимая раны, а третий сразу широко взмахнул руками, будто хотел обнять весь белый свет, и откинулся на конский круп.

– Лех! – крикнул Рус в тревоге.

Двое обошли Леха по обочине, один на ходу выстрелил в сторону Руса из короткого лука. Стрела угодила в плечо, но не пробила тугие, как корень дуба, мышцы, а лишь слегка царапнула кожу. Эти земледельцы, судя по всему, совсем недавно слезли с коней и еще не потеряли свое степняцкое умение стрелять на скаку!

Он крепче сжал в объятиях нежное тело. Женщина что-то сказала на своем птичьем языке. Он не расслышал, еще одна стрела просвистела над ухом, зацепила и вырвала прядь волос.

Сзади яростно гремел веселый крик Леха. Средний брат улыбался, как Рус помнил с детства, даже когда тонул в болоте, когда сорвался со скалы и летел в далекий горный поток, и сейчас кричит весело, не подает виду, что задыхается от усталости и, может быть, уже вот-вот сомлеет от многих ран...

Рус натянул поводья:

– Стой, Ракшас!.. Лех, я иду!

Женщина скатилась на разбитую копытами землю, а Рус уже со своей страшной палицей в руке развернул Ракшаса. Позади в пыльном облаке дико кричали кони, звенел металл, звучали изломанные чужие голоса. Леха не слышал, но дети Скифа не уходят в вирий, не захватив с собой многих и многих врагов для услужения.

С боков обходя пыльное облако, с двух сторон на него неслись чужие всадники. С короткими копьями, с топорами и палицами, одетые плохо, зброя еще хуже, но им нет числа, и потому Рус тоже закричал весело и люто, понимая, что это последний бой:

– Скиф!.. Мы – твои дети!

Он сшибся с передними, бил палицей быстро и мощно, стараясь поразить как можно больше врагов, вокруг падали с криками, он сам ощущал удары, толчки, в него метали дротики, били со всех сторон, кровь потекла по лбу в глаза, он чувствовал ее и во рту, бился из последних сил, уже молча и страшно, нападающие еще кричали, но уже не так люто, в криках злобы чувствовалась и растерянность, слишком много жизней отняли эти двое, но и упускать нельзя, мужчина всегда опозорен, если дает врагу уйти неотомщенно...

Рус услышал и зловещий свист, понял сквозь боль в черепе, что их стараются достать стрелами, дабы не бросать в огонь боя новые и новые жизни, с ревом вскинул палицу:

– Скиф!

Голос его был хриплый, как у Чеха, он сам успел это заметить, пальцы скользили по липкой от крови рукояти, он бросился на врага сам, мужчина не ждет гибели, как вол на бойне, он умеет прыгнуть навстречу и схватиться с самой Смертью... как вдруг двое прямо перед ним упали с седел, а потом начали падать и другие. Из пыльного облака вырвался конь с залитой кровью попоной, седло свесилось под брюхо, а всадник волочился следом, запутавшись в стремени, загребал обеими ладонями разбитую копытами землю.

В пыли как призраки страшно проступили словно в желтом тумане фигуры всадников. Сердце Руса екнуло. Затем из пыли вынырнул Лех, он все еще был на коне, забрызган кровью, глаза дикие.

– Рус!.. Рус!

– Здесь я, – откликнулся Рус.

– Цел?

– Как младенец в люльке.

– Но ты в крови!

– А ты?

Лех засмеялся с облегчением, крепко обнял, наклонившись с седла. Руки его дрожали, на плече была глубокая царапина. В спине торчали три стрелы, но явно не сумели пробить волчовку. Только сейчас Рус ощутил, что спина ноет, исклеванная чужими стрелами. Все-таки у земледельцев нет той мощи в руках, чтобы верно и мощно послать стрелу.

– Расплескали чужое вино! – сказал Лех со смехом, но тут же его лицо помрачнело.

– Что случилось? – встревожился Рус.

– Тебя хоть ранили...

– Разве это раны? – отмахнулся Рус.

– Все-таки кровь. А у меня и того нет...

Из пыльного облака вынырнул на огромном белом жеребце Чех, массивный, как скала, но злой, как снежный демон. Лицо было страшное, и Рус тоже подумал тоскливо, что Лех прав, лучше получить удар топором по голове, тогда бы старший брат пожалел, позвал врачей.

– Брат! – закричал он торопливо. – Ты опять спас нас! Как ты догадался, где мы будем?

На лице Чеха было сильнейшее отвращение, и Рус запоздало понял, что опять ляпнул глупость. Чех презирает догадки и предположения, называет их забавами волхвов, он всегда рассчитывал и пересчитывал, действовал наверняка, безошибочно, а с волхвами советуется из почтения к старшим и расчетливого вежества.

– Зря я это сделал! – рявкнул Чех так страшно, что конь под ним прыгнул ушами и чуть присел. От громового голоса взлетели разочарованные вороны с ближайших кустов: во время схватки приближались, присматривались, кого из братьев начнут клевать первым. – Прибили бы вас, меньше бы бед на наши головы! Вы как две чумы на все племя!..

Мимо проехала Моряна, окатив Руса ледяным взглядом. В руке богатырь-девицы был исполтинский топор, по рукоять залитый кровью, с прилипшими к лезвию волосами. Поляница тяжело дышала, ее могучая грудь вздымалась как волны в бурю. Плечи и руки покраснели, словно она вывозилась в малине. Рус на богатырку косился опасливо и почтительно. Никто не знал ее полной силы, но у нее был такой огромный топор, что не всякий поднял бы и двумя руками, но все видели, как Моряна скачет, будто дочь грома, на диком коне, одной рукой взмахивает с легкостью топором, а другой – принимает летящие стрелы на щит размером с дверь сарая.

Безрукавку из волчьей шкуры она, как и почти все воины, носила на голое тело, только в отличие от мужчин скрепляла на груди тонким кожаным шнурком, оставляя полоску открытого живота до поясного ремня, широкого, с двумя швыряльными ножами. Грудь откровенно пилилась на края молочно-белых холмов, втайне надеясь, что при очередном могучем вздохе шнурок лопнет. Когда Моряна вздыхала, шнурок натягивался и дрожал, как тетива, полы волчовки раздвигались до предела, и тогда умолкали разговоры, все пилилось заворуженно... но Моряна переводила дыхание, и снова воображение дразнили только самые-самые краешки белых курганов.

Люди Чеха быстро и умело добивали раненых. Уцелевшие повернули коней, но их догоняли, били в спину, пока последний не пал под копыта. Те два десятка коней, которых Чех вел отдельно, не изнурял работой, сейчас показали, что стоят своего корма.

Среди раненых с длинным окровавленным ножом неспешно ходил Бугай, огромный как гора, медлительный, чудовищно сильный. Он переворачивал чужаков, умело вспарывал бока, с треском выдирал окровавленную печень, еще трепыхающуюся в ладонях, жадно пожирал, шумно чавкая и подхватывая широким языком струйки крови.

Чех опять прав, подумал Рус тоскливо. Он ощутил себя слабым и маленьким. Опять навлек беду на все племя, а Чех в который раз спас, опять все предвидел, рассчитал, даже малый отряд заграждения, так необходимый на месте, все же снял и послал именно в то место, куда они завели погоню...

Он слышал, как Чех орал и выговаривал Леху. Тот повесил голову и даже не оправдывался. Рус тихонько вернулся к женщине. Она сидела в пыли на обочине дороги. Лицо ее было бледным даже под слоем грязи, губу закусил от боли. Рус требовательно протянул руку, она послушно встала, но охнула и упала на бок.

Он соскочил на землю, подхватил на руки. Ее тело было легким, странно горячим, ноздри уловили дразнящий запах, сердце сладко зануло в непонятной тревоге. Он отнес и посадил на коня, прыгнул в седло, и все время кончики пальцев подрагивали от сладостного прикосновения. Возможно, это в самом деле демон. Суккуб, так зовут демонов, которые соблазняют и спят с мужчинами. О такой женщине-демоне он и мечтал знойными летними ночами, когда воздух напоен ароматом трав, когда кузнечики верещат брачные песни, когда все парует, призывает, поет, тешится, а он, сцепив зубы, лишь шепчет себе горячо, что вот когда завершится Исход, когда выберутся целыми, когда придут на незанятые земли...

Женщина что-то лопотала, показывала пальцем то на свое нежное тело, то на убитых преследователей. Рус переспросил:

– Одеться хочешь?

Она кивнула, снова указала на поверженных. Рус бережно снял ее с седла, ладони задрожали от желания сдавить ее так, чтобы из нее брызнуло горячим. Женщина коснулась ногами земли и тут же подбежала к убитому. Рус смотрел, как она раздевает чужака, нагнулась, из-под его волчовки вздернутые ягодицы оттопырились и слегка раздвинулись.

В чреслах пробудилась ярая мощь, кровь вскипела от лютости желания. Воины добивали раненых, снимали пояса, сумки, сапоги, а он ухватил ее огромными ладонями за пышные ягодицы. Она оглянулась, но не распрямилась, ее пальцы вцепились в ворот широкой рубахи убитого, и он овладел ею яростно, быстро, неистово, так что его закрутила дикая судорога восторга, он вскрикнул мощно, выдохнул так, что едва не поджег воздух горячим дыханием, с неохотой отпустил ее плоть. На ягодицах остались кровавые пятна, как от крови убитых, как и от его жестких, как черная бронза, пальцев.

Женщина отвернулась, мгновение стояла на дрожащих ногах, стараясь прийти в себя. Рус видел, как она пересилила себя, ее руки принялись стаскивать с убитого рубашку, с неохотой рассталась с волчовкой Руса. Подошел Бугай, весь красный, будто вынырнул из озера крови, оценивающе поглядел на ее наготу, подмигнул Русу. На его широкой, как лопата, ладони трепыхалась еще живая печень, и Рус жадно ухватил обеими руками, вгрызся. Нежная теплая плоть таяла во рту. Крепкие зубы быстро перемололи мякоть, он ощутил, как по телу прокатилась... нет, пронеслась, как табун диких коней, горячая волна силы и молодости.

А Бугай взмахнул топором, хрястнуло. На Руса брызнуло теплой кровью. Раненый дернулся и затих, топор развалил ему голову, как чурбан. Мозг заполнился кровью, Бугай запустил обе ладони в череп, несчастный еще дергал ногами в предсмертных судорогах, а когда Бугай разогнулся, в ладонях колыхался кровавый студень мозга. Густая кровь широко сбегала между пальцами, струйками лилась с локтей.

– Это был их вожак, – объяснил он довольно. – Храбрый! Будешь, племяш?

Рус покачал головой. Печень убитого врага поедал, того требует воинский ритуал, да и вкусно, а теплый мозг ел только однажды, не понравилось, да и не считает убитых такими уж умными, чтобы прибавлять их мозги к своим. Другое дело печень – и вкусно, и насытишься враз. К тому же убитый становится твоей кровной родней, вредить не сможет ни по ночам, ни на том свете.

– Может быть, она? – предложил он, указав на женщину.

Бугай поморщился, он слыл самым добрым из силачей, но женщинам не дано благородное – вкушать плоть убитого врага, так гласит Покон. К счастью, сама женщина поняла, покачала головой. В ее темных глазах Рус уловил сильнейшее отвращение.

Она наконец стянула рубаху, там пламенели красные пятна, портки стаскивать не решилась, впрочем, рубаха достигала почти до колен. Ноги ее были длинные, стройные, непривычно смуглые.

Бугай одобрительно кивнул:

– Хоть и рискованно, но красивую девку умыкнул. Что за нее хошь?

– Дядя, я для себя увел, – отрезал Рус.

– Ну, это сейчас... А через неделю? Хошь, свой нож дам взамен?

– Нет, – отрезал Рус. Он ощутил раздражение, хотя Бугая уважал и никогда не ссорился. – Даже не думай!

Он подхватил ее, пальцы оставили на рубахе новые кровавые следы, а когда закидывал на коня, полотняный край задрался, и в чреслах снова возникло острое желание, да такое мучительное, что взвыл в голос. Не на коне же брать? Чех и так в ярости.

Женщина чуть приподняла голову, он ощутил, как взгляд ее темных глаз изучающе пробежал по его лицу. В ее глазах было понимание и сочувствие, но оставался страх, будто находилась рядом с опасным зверем. А ему как раз сейчас вдруг захотелось не выглядеть опасным зверем, как должен вообще-то выглядеть мужчина.

Бугай хмыкнул, но, когда Рус оглянулся, его дядя уже оценивающе оглядывал одного из поверженных. Тот тяжело дышал, зажимал обеими ладонями рану. Глаза его с ужасом следили за приближающимся гигантом, у того из уголков рта текла кровь, а вид был страшен. Бугай поморщился, парень сражался слабо, у такого и печень, и мозг как у зайца... уже взялся за луку седла, но взгляд упал на длинные густые волосы. В них алели яркие ленточки с мелкими бусинками.

– Красиво, – одобрил он.

Женщина дернулась, когда чудовищный воин приблизился к поверженному с ножом в руке. Сверкнуло лезвие. Парень закричал страшно, отчаянно. Бугай деловито придавил его коленом, хладнокровно провел ножом по лбу, за ушами, дернул за волосы. Послышался треск. Бугай выпрямился с окровавленной добычей в руке.

Парень корчился, хватался за страшную, странно лысую голову. Там среди крови вздувались вены, пульсировали, кровь стекала тяжелыми густыми каплями, а Бугай вернулся к коню довольный:

– Сивка мой, ушастенький! Теперь тебя не закусуют эти бесовы слепни...

Рус неуклюже взобрался на коня, загнутый передок седла мешал, и все мешало. Конь шагнул, и женщина качнулась, ее прижало к его широкой, как небесная твердь, груди. Он стиснул челюсти, чтобы не взвыть от тоскливого желания швырнуть ее прямо в дорожную пыль и снова насытить свою страсть.

Глава 4

Из пыльного облака вынырнул покрытый пылью скорченный труп. Немного погодя Рус увидел сразу двух, старика и старуху. Они лежали поперек дороги, обхватив друг друга. Их лица припорошила пыль, но Русу показалось, что оба и сейчас смотрят с любовью друг на друга.

Чех что-то проворчал, Рус виновато пригнул голову. Еще дальше лежал ребенок, худой и уже голый. Кто-то снял с умершего одежду. Ночи все еще по-весеннему холодные, другие дети зябнут.

Женщина на его груди завозилась, устраиваясь поудобнее. Она как чувствовала, что ее спаситель терзается, вдруг да ребенок уцелел бы, если бы он не отвлек часть сил на бессмысленные для сохранения племени скачки, драки и похищение чужой и ненужной им женщины.

Лех вскрикнул, указал влево. От дороги поспешно уходил, шатаясь и падая, грузный полуголый мужчина.

– Кровавая Секира! – вскрикнул Лех.

Человек упал, попробовал подняться, но руки подломились, он пополз, яростно извиваясь, как ящерица. Лех поспешно повернул коня в его сторону. Чех обронил мертвым голосом:

– Оставь.

– Но это великий воин...

– Оставь, – повторил Чех с такой натугой, будто сдвигал чудовищный валун.

Рус смотрел то на Леа, то на Чеха. Какое-то понимание шевельнулось в душе, но спросил почти враждебно:

– Почему? Он умрет прямо в пыли!

– Но не с женщинами и стариками, – ответил Чех мрачно. – Он хочет умереть по-мужски.

Копыта глухо стучали по твердой как камень земле. Пыль едва-едва успела осесть после повозок, сейчас вздымалась с легкостью, сразу забивала ноздри, обволакивала лицо, проникала в грудь и душила изнутри. Далекая фигура воина постепенно отдалялась, замирала. Он был жив, но двигался все слабее. И сил не осталось, и видел с облегчением, что за ним не побежали, не потащат обратно на телегу, не будут поить горьким отваром, сгонять зеленых мух, а их глаза все равно будут говорить, что он обречен, а они, усталые и измученные, себе на беду просто затягивают минуты прощания.

– Он так решил, – сказал Чех сурово. – А решение мужчин надо чтить.

Он пришпорил коня. Лех проводил старшего брата взглядом искоса, оглянувшись, вид был виноватый. Рус печально молчал.

– Он явно чувствует, что на этот раз не выжить, – сказал Лех без всякой нужды. – Говорят, в такое время боги дают человеку видеть многое. Уже то, что видят сами, а смертным недоступно. Он не хочет, чтобы копали могилу те, у кого сил не намного больше.

Он объяснял, хорошо понимая, что брату все ясно, как и ему, но больно видеть смерть богатыря, который не просто гибнет в бою – обычное дело мужчин, а ускоряет свою смерть вот так, зная, что останется непогребенным, глаза выключают вороны, что уже злорадно каркают вблизи, а мясо с костей сдерут голодные волки, а потом разгрызут и размечут по степи кости.

Женщина все сильнее прижималась к его груди. Волосы черным водопадом струились по телу, скрывая лицо, и он не мог сказать, сомлела от усталости, страха и волнений или же просто заснула, спряталась от этого жестокого прекрасного мира, где все принадлежит мужчинам, которые по праву силы приходят и берут то, что захотят, а кто противится – погибает, аки барсук в половодье.

Они постепенно втягивались в серединку пыльного облака. Когда ветер чуть сменился, отнес в сторону, Рус увидел подводы. Его повозки тащились последними. Так уж получилось,

что Чех, как старший брат, возглавил Исход, он прокладывает дорогу в неведомые земли, следом тащатся повозки Леха с его родней. Никто не выбирал, кому идти сзади, но со стороны Руса родня прособиралась дольше всех, да пока убедили своих друзей, что им тоже не поздоровится, когда Коломырда дознается о бегстве опасной родни...

Рус в последнем усилии заставил усталого Ракшаса догнать крытую повозку. От резкого движения ранка на плече раздвинула створки, как раковина. Женщина очнулась, как завороченная смотрела на струйку алой крови. Она скапливалась во впадинке ключицы, побежала вниз и юркнула под мышку.

Не зная языка, она тронула великана за руку, робко указала на кровь. Рус повернул голову и смешно перекошил лицо, рассматривая. Засмеялся, поняв, макнул в кровь кончики пальцев:

– Заживет!.. На победителях любые раны заживают враз.

Он поднес красные пальцы к губам, лизнул. Женщина передернулась. Брови ее взлетели, в глазах появились знакомые Русу страх и отвращение.

Рус сказал грохочуще:

– А с такой добычей... Да на мне к утру зажили бы и смертельные раны!

Баранья шкура полого отодвинулась, блеснули задорные глаза Заринки, младшей сестры. Ей шестнадцать весен, она всю строила глазки, подмигивала взрослым воинам, выгибалась, показывая тонкий стан и округлившуюся грудь.

– Гой ты еси, братец, – охнула она, – кто это с тобой?

– Я отнял ее у бога, – сказал он гордо. – Теперь это моя добыча.

Заринка распахнула полог шире. Возница, молодой отрок по имени Буська, натянул поводья. Кони охотно остановились. Буська, как и Заринка, вытаращил глаза:

– Вот это да! Она... человек?

– Еще не знаю, – буркнул Рус.

Ему показалось, что земля качнулась под ногами его верного Ракшаса. Трое суток не покидает седла, но все же раньше такого не случалось. Видать, ослабел чуть, все-таки трое суток ни крошки во рту.

Он снял спящую женщину, она вздрогнула в его руках. Глаза раскрылись в испуге такие огромные, что он остановился, страх спугнуть чудный миг, сладостный и тревожный, ибо жизнь его круто менялась, он чувал это, как лесной зверь, но выразить не мог, язык воина не знает таких слов, а из повозки уже требовательно протянула руки Заринка, единственная сестренка.

– Укрой ее, – сказал Рус тихо. Он перегнулся через край, опустил спасенную на грудь шкур. Она осмотрелась еще более дико, ее взгляд упал на Руса, страх сменился немой мольбой. Она что-то сказала на чужом языке. Рус успокаивающе толкнул ее в плечо. Она опрокинулась на шкуры. Заринка засмеялась, придержала за плечи, не давая встать.

– Отдыхай, – сказал Рус. Он раздвинул губы, с удивлением понял, что это удастся без усилий. Сейчас не мог бы рыкнуть или грозно нахмурить брови, даже если бы сильно постарался. – Пусть спит. Я приду ночью.

Заринка сказала потрясенным шепотом:

– Еще бы! Она... просто необыкновенная. Она... человек?

– Что все об этом спрашивают? – огрызнулся Рус. – Мне что за дело?

Отступающее под натиском ночи солнце, багровое от усилий, в отчаянии поджигало горящими стрелами облака. Те вспыхивали красным, пурпурным, освещая запад небесного свода зловещим заревом гигантского пожара. Ночь замедляла натиск, боролась с пожарами, а те разгорались страшно, на полнеба. Багровый шар уже опустился за край, а облака все еще полыхали жутко и обрекающе. Огонь буйствовал, охватив ту половину неба, куда двигались всадники. Мужчины мрачно и тревожно глядели поверх конских ушей.

Лех ехал рядом с Русом, багровые сполохи освещали неподвижное, будто вырезанное из красного гранита лицо. Нижняя челюсть чуть выдвинулась вперед. Средний брат постоянно готов к схватке, сшибке, двобою. На голых плечах, похожих на обцелованные морем валуны, вздувались тугие мышцы, перекатывались, ненадолго успокаивались, для того чтобы внезапно проявиться где-нибудь так хвастливо, что было видно, как все тело Леха ищет повод для драки.

– К добру ли, – сказал он негромко, но Рус почуял затаенную опасность. – Прем, как в море крови!

– Это будет чужая кровь, – ответил Рус. Он старался, чтобы голос звучал уверенно.

– Да-да, конечно, – согласился Лех. Он молодецки повел плечами, но оглянулся с опаской. Сзади в окружении бояр ехал суровый и насупленный Чех. Вряд ли так думает их старший брат, который старается все предусмотреть, все учесть, все беды обойти загодя.

Верхние облака, их подожгли первыми, уже подергиваются багровым, как горящие угли костра, что из раскаленно-алых переходят в пурпур, затем багровеют, а в конце концов покрываются пеплом.

– Что он сказал? – прошептал Рус.

Он подал коня к Леху, они ехали, касаясь стремянами. Лех оглянулся в ту сторону, где чернела массивная фигура старшего брата. Ответил тоже шепотом, хотя Чех был на расстоянии полета стрелы:

– Считает, что женщину лучше оставить.

Сердце Руса оборвалось.

– Почему?

– Во-первых, за нами могут выслать погоню по-настоящему. Уж на сменных конях, с запасом еды, чтобы не останавливаться. Далеко ли уйдем на ветхих повозках? Во-вторых, волхвы поговаривают, что ты вызвал гнев чужого бога, через земли которого едем... Надо сказать, я этого тоже побаиваюсь. Не до свинячьего писка, но все-таки колени иной раз...

Рус поежился, по спине пробежала невидимая ящерица, щекоча холодными, как могила, лапами:

– Я тоже. С богами как-то еще не дрались.

– А в-третьих, – закончил Лех, – старики считают, что ты вырвал из рук волхвов вовсе не человека. Это демон ночи. Не зря же у нее такие темные как ночь глаза, а волосы чернее вороньего крыла!

Рус молчал убито. Он сам чувствовал злое колдовство, ибо демоны ночи отвратительны, как и все в ночи, как ночные птицы вроде сов и сычей, как летучие мыши, нетопыри, мертвецы, встающие из могил... ибо ничем, кроме колдовства, нельзя объяснить ту странную власть, которую имеет эта женщина или это существо. Куда бы ни поворачивался, он чувствует, в какой она стороне, даже спиной ощущает ее взгляд, настойчивый и обволакивающий.

– А ты как считаешь? – спросил он тихонько.

– Не знаю, – признался Лех. – Может быть, она демон... Хотя с другой стороны, ну и что? Не всякому выпадет удача схватить демона в объятия и затащить на ложе.

– Лех, ты серьезно?

– Как Род свят, – присягнул Лех. – Кто из мужчин не мечтал о чем-нибудь таком, этаким... необыкновенном! Как она тебе показалась?

– Как будто окунулся в кипящее масло, – признался Рус.

– Ух ты!

– Я не знаю, что со мной происходит. Мало ли у нас было женщин? Но я вижу перед глазами только эту. Почему, не знаю.

– Колдовство? – предположил Лех.

– Наверное. Но я не хочу ему противиться. И мне не надо отворотного зелья. Это так здорово и непривычно, когда так сладко щемит сердце! Я такой восторг испытывал, лишь когда

сразил в поединке троих братьев Красного Быка. Тогда я вырвал их печени и сожрал на глазах всей их родни! О, какая на их лицах была бессильная ненависть, когда я жрал их плоть, разбрызгивал по току, а их богатыри лежали с распоротыми животами!.. Я мог по праву взять их жен и детей, забрать их дома и скот, но я получил больше радости, когда стоял на току весь залитый кровью и вздымал к небесам окровавленную палицу, где до края рукояти налипли мозги и волосы...

Лех протянул уважительно:

– Если так, то это мощно. Сразить врага и сожрать его печень – это радость богов. Если чем-то схоже – тебе повезло. Ты вдвое богаче на радости. Но ежели она все-таки демон? И сожрет с потрохами?

– Думаешь...

– Но ежели демон?

Рус вздохнул:

– Сожрет так сожрет. Я все равно пойду к ней, как пропойца идет к вину, пусть даже его за это казнят. Надеюсь, я успею ею напиться еще. А там будь что будет.

– Гм... кошунникам будет о чем сложить новую песнь. Я сам, пожалуй, подскажу Баюну, как завернуть похлеще. Чтобы у парней руки тянулись к топорам, а девки ревели так, чтобы сами скользили и падали на своих соплях и слюнях. Как ее зовут, говоришь?

– Ис. Если я правильно понял.

– Странное имя, – сказал Лех в удивлении. – Таких имен не бывает!

– А если она не человек?

– Тогда бывает, – решил Лех. – Там... у этих... все бывает.

Подводы тянулись толстой нескончаемой нитью. Ехали осторожно, прижимаясь к опушкам, готовые при первых же признаках беды уйти в лес, спрятаться за деревьями. Из дубовых зарослей, из-за стен вязов, кленов, березок наконец потянуло свежестью, сыростью и гнилью. Там еще не прохладно, но все же стрелки хвоща указывали измученным людям, что где ни копни – ямка наполнится свежей водой. Ключевые воды выходят прямо под поверхностью.

Все совсем недавно были в рубахах, а теперь уже в стертых лохмотьях, безрукавках из волчьей или козьей шерсти, даже портки сшиты из кожи, а заправлены в сапоги на толстой подошве, крепко-накрепко пришитых дратвой, смоляными нитками. Лишь немногие еще обуты в постолы с длинными ремнями, что прикручивают штанину к голени до самого колена. Редко у кого на голове колпак из кожи, остальные же блещут золотом волос на летнем солнце.

У всадников сзади к седлу приторочен мешок с разной походной мелочью, меч или боевой топор на левом боку, второй меч, поменьше, торчит из-за голенища правого сапога. К седлу привязан обязательный колчан с двумя-тремя десятками стрел, а на заводном коне еще и короб с запасными стрелами, там их больше сотни. К седлу же приторочены и два лука со спущенными тетивами – еще Скиф начал носить по два лука и велел каждому воину иметь два и уметь метко бить стрелами с коня вперед, вбок и повернуться назад. У каждого воина спину укрывает круглый щит. Края обиты бронзой, по всему полю сверкают железные бляхи, изнутри под наручинами лежит толстая бычья кожа, охраняя руку от ударов о дерево.

В степи из-под ног то и дело начали выпархивать птицы. То там, то здесь темнеют стада диких коней, туров, коз, а всякую мелочь вроде лис да степных волков не углядишь: сторонятся человека.

Лех, самый ярый охотник, наконец ногами послал коня в чащу, уже завидел, где и как изрыто под могучими дубами. Но свиньи хитры, затаились поблизости, следят за человеком, ни одна не хрюкнет, не наступит на веточку. Сопят, нюхают воздух хрящеватыми носами.

Лех достал лук, конь идет верно, слушается ног, а руки уже набросили петлю тетивы на один конец, оперли в выступ в седле, натянули. Рус видел, как средний брат любовно тронул тетиву из оленьих сухожилий, самых крепких на свете, если не считать турых.

– Я вижу, – сказал Рус вполголоса. – Слева за грабом.

– Того и я вижу, – ответил Лех негромко, – но зачем нам подсвинок?

Он наложил стрелу, конь послушно остановился. Несколько томительных мгновений Лех нацеливался, уже оттянув тетиву до уха, затем стрела исчезла, донесся сухой щелчок тетивы о кожаную рукавичку. Лех победно улыбнулся, тут же снял тетиву и сунул лук в налучник, даже не проводив взглядом стрелу. Из-за кустов раздался истошный визг.

Всколыхнув зелень, навстречу хлынуло огромное стадо. Конь Руса захрапел, попятился, хотя и видел затаившихся свиней, но не думал, что их так много. Грохот, треск кустов, визг, раздраженное хорканье, и вот уже осталась в луже крови крупная туша, а вдаль уходит тяжелый топот всего кабаньего стада, будто умчался табун коней.

Лех нагнулся легко, подхватил без усилий тушу годовалого поросенка, нежного и сочного, раздобревшего на жирных желудях.

– Неплохие здесь земли, – заметил он. – Остаться бы. Все прем и прем!

– Коломырда настигнет, – предостерег Рус несчастливо.

– Понятно... Да и вообще, раз уж сдвинулись с места, надо катить до конца.

– До последнего моря?

Лех засмеялся:

– Я бы тоже так хотел! Как наши предки шли за солнцем, как сказывают волхвы, до самого края земли, где вода кипит и уходит в огромную черную дыру... Но Чех сказал, что остановимся, когда листья падут с деревьев. А то и просто пожелтеют.

Верно, все решит Чех, как самый старший. Правда, он и самый рассудительный, если говорить положа руку на сердце. И самый осторожный, заглядывающий надолго вперед, что не раз выручало из беды. Если сказал, что остановятся в листопаде, то, значит, просчитал, с какой скоростью ослабевшие люди выроют землянки, срубят простейшие избушки, чтобы пережить зиму!

Глава 5

Телегу немилосердно трясло. Колеса стонали, трещали, как тонкий лед под грузным лесом, жалобно звякали по твердой каменистой земле. Ис хваталась за борта, уже прикусила язык, во рту стало солоно от крови. Напротив сидела на охапках сена, покрытых цветными одеялами, совсем молоденькая девушка, миловидная, с уже развитой женской фигурой, но еще девичьим личиком. На нее поглядывала с откровенным любопытством.

Сверху хлопало под порывами ветра грязное полотно, с боков тоже тряпки, но в щели дул ветер, забрасывал песок, что противно хрустел на зубах, покрывал потные лица пылью, а те превращались в грязные личины. Впереди слышались окрики возницы, щелчки бича. Волы тянули невыносимо медленно, колеса подпрыгивали на камнях, а в выбоины падали с таким стуком, что сердце холодело и обрывалось.

Спереди и сзади тянулись другие повозки. Люди помогали волам тащить, погоняли такой же измученный, как и сами, скот. По обе стороны на понурых худых конях покачивались худые, костистые всадники.

Дважды мимо проскакал тот юный богатырь, что вырвал ее из лап водяного демона. Возможно, ее ждет участь еще хуже, но пока что жива и сидит в телеге, а не лежит на речном дне. Сильно ноет ушибленная лодыжка, неудачно соскочила на землю, больно сидеть, на ягодицах будут кровоподтеки от железных пальцев ее спасителя, чересчур огромного для нее, хотя и она совсем не такая крохотная, какими были ее сестры...

Когда Рус появился в третий раз, она успела с удивлением заметить на месте недавней раны лишь сизый шрам. Еще вздутый, под тонкой пленкой видно нежное мясо: тронь – брызнет кровь, но кожа на глазах грубеет, а шрам опускается и рассасывается.

Он грубо выхватил ее из повозки, снова вскинув к себе на коня, она больно ободрала о край телеги и вторую ногу, отвез галопом вперед и так же грубо забросил в другую телегу:

– Гой ты еси, Векша!.. Погляди за этой женщиной. Если что надо, помоги.

В повозке была только одна женщина, старая и высохшая, как лягушка на солнце. Ее лицо, шея и руки казались коричневыми, как крылья летучей мыши. Беззубый рот собрался в жемок, глубокие трещины испещрили лицо, сделав похожим на яблоко, пролежавшее всю ночь на горячих углях.

Вся повозка была завалена пучками душистых трав, связками корешков неопрятного вида. Отдельно лежали раздутые бурдюки, в них булькало, а в баклажках из выдолбленных тыкв просвечивали сквозь тонкие стены темные отвары.

Старуха оглядела Ис, надолго задержала взор на ее рубашке с пятнами крови:

– Что с ней?

– Я отнял ее у чужого бога, – ответил Рус с пугливой гордостью. Оглянувшись, добавил: – Научи ее, если сможешь, и человеческой речи.

Векша покачала головой:

– То-то Чех всполошился, что вы исчезли так надолго.

– Да ладно, мы целы.

– Эх, – сказала старуха невесело, – не сносить тебе головы, Рус. Заведут тебя в беду горячее сердце да буйная головушка. Ладно, займусь я твоей добычей.

– Дай ей какую-нибудь женскую тряпку, – добавил Рус просительно. – Впрочем, сама гляди, что и как. Я в долгу не останусь.

Он медлил, не мог заставить себя отъехать, смотрел в удивительное лицо странной женщины, словно увидел впервые. Молода, непривычно смугла, брови как две дуги лука, тонкие, как шнурки, удивленно вскинутые и застывшие в вечном удивлении. Глаза излишне крупные, со странной поволокой, и он не мог отвести от них взор, чувствовал, как погружается, тонет...

Но самое удивительное, ни на что не похожее, чему он не перестанет удивляться, ее волшебные волосы, темные, как безлунная ночь, таинственные и загадочные, таких черных просто не может быть у человека.

А она с тем же удивлением смотрела на него и видела, как он почти неотличим от своих братьев, непривычно огромных, рослых, как деревья, широких в плечах настолько, что нужно поворачивать голову, чтобы увидеть оба плеча. Все трое с золотыми, как солнце, волосами, а у старшего еще и кудрявая борода пшеничного цвета. Лех и Рус с выбритыми подбородками, по-мужски квадратными, видны сила и упрямство, но с по-девичьи нежной розовой кожей. У всех троих удивительно синие глаза, даже не голубые, голубые встречала и раньше, а пронзительно-синие, настолько яркие, что у нее по спине и сейчас побежали тревожные мурашки.

Но не только три брата, а весь народ в повозках и на конях, как она заметила, со светлыми волосами и синими глазами. Явно одно племя, которое пошло от одного отца. В крайнем случае от одного прародителя, чьи дети вынуждены были, как и в ее племени, брать в жены двоюродных сестер. И если их не оказывалось, то и родных.

Он все еще ехал рядом, его синие глаза впились в ее лицо, и она ощутила, как его взгляд жадно ощупывает ее щеки, глаза, нос, лоб, губы, и чувство было такое, словно горячие ищущие губы прикасаются к тем местам, куда падает его взгляд.

– Ты демон? – спросил он.

Она вслушивалась в звуки чужого языка, странного и не похожего ни на что из слышанного. Они походили на лязг металла по металлу, но этот человек невольно смягчал, обращаясь к ней, и она чувствовала, что его все же бояться не следует. Понятно, он вырвал ее из чужих рук не для того, чтобы отпустить на свободу, мужчина есть мужчина, он свои намерения уже проявил ясно, но это участь всех женщин, и тут уж ничего не поделаешь. Если бороться нельзя, то надо стараться хотя бы выжить.

Он кивнул старухе:

– Ты лучшая ведунья во всем племени. Вылечи ее царапины, а я хочу знать, человек это или демон.

– Тебе не все равно? – удивилась ведунья. – Просто убей.

– Нет! – вскрикнул Рус в испуге.

– Почему?

Он в затруднении искал слова, не нашел, разозлился:

– Демона надо убить, человека же, если невиновен, нельзя!

– А мало ты убил невиновных, – проворчала она беззубым ртом. – Все ж понятно, да только, как пес, сказать не можешь. Хоть человек, хоть демон – надо убить, пока слаб. А время потеряешь, все погубишь. Демона потом убить трудно, а женщину... да еще такую, ни один мужчина пальцем не тронет. Даже если она на нем станет воду возить.

Но Рус уже отъехал, на прощание сердито блеснув зубами, показал, как перегрызет ей горло. Векша после его ухода села рядом с Ис:

– Молодые они, света не зрели... А ведь их отцы-прадеды ходили в дальние походы за тридевять земель, где все народы были вовсе черные, как осмоленные головешки!.. Водил их доблестный Скиф... нет, дети Скифа. Или правнуки. Но с той поры прошло столько веков, что из поколения в поколение те люди становились все чуднее, пока не превратились в демонов ночи... Я буду тебя лечить, милая. Если ты демон, то тебе это не навредит, сама излечишься, а ежели человек, то я подсобить могу.

Ис все же по интонации и жестам поняла, что хотела сказать старая ведунья. Улыбнулась благодарно, ткнула себя в грудь пальцем:

– Ис.

– Ис, – повторила старуха, – понятно, тебя зовут Ис. Верно?.. Вот-вот, Ис!.. Ты права, тебе надо бы подучиться и языку человеческому. Что ты хотела бы узнать?.. Нет-нет, на того витязя

указывать рано. Зовут его Рус... Рус... Рус... все остальное не поймешь. Давай-ка начнем с простого. Приветствие начинаешь со слов «Гой ты еси...», а то и просто «Гой». Что ты так вздрогнула?.. А вот это рука... это нога... глаз...

То ли язык золотоволосых гигантов был прост, то ли она оказалась усердной ученицей, но через несколько дней уже разговаривала с Векшей, а еще через три дня старая ведунья рассказала, почему так поспешно двигаются через неизвестные для них земли.

Тцар Пан, сын Ванда, был силен и могуч, у него было пять сотен жен и около тысячи наложниц. От них он породил тысячи и тысячи сынов и дочерей, внуков вовсе несчетное число, но при тцаре постоянно находились только две женщины: синеглазая Злата и красавица Коломырда, обе сильные и умные, обе родили по трое сыновей, которые красотой, здоровьем и силой затмили остальных детей Пана. Они с детства росли богатырями, и настоящее соперничество при дворе тцаря было только между двумя этими женщинами. Не за любовь тцаря, настоящие женщины такой малостью пренебрегают, – за имя наследника!

Коломырда родила Крекана, Терлана и Щеркса, а Злата – Чеха, Леха и Руса. У той и другой были еще и дочери, но девочки, даже если они тцарские дочери, всего лишь разменная монета, отрезанные ломти сладкого пирога, что попадут в чужие руки, а вот сыновья... Эти шестеро всегда играли вместе, росли вместе, охотились и учились владеть оружием, скакать на конях, ловить рыбу и обгонять на бегу оленей. Но когда начали подрастать, заметили соперничество матерей, сами невольно стали смотреть друг на друга с подозрением и недоверием. Кого великий тцар назовет своим наследником? Кто станет тцарем, будет раздавать братьям земли, людей, стада скота, рабов?

Опасаясь ссор, их разлучили и стали держать в разных половинах дворца. И однажды Коломырда, опоив тцаря сладким зельем, сумела добиться от него клятвы, что всякий, кто войдет сейчас в его покои и нарушит их ласки, будет изгнан из тцарства без права возвращения. Тцар согласился, но тут же с грохотом распахнулась окованная золотом дверь, вбежали, стуча тяжелыми сапогами, его встревоженные дети Чех, Лех и Рус. Им кто-то сказал, что их отец заболел и только их присутствие может отогнать болезнь...

А может, добавила Векша с сомнением, было вовсе не так, но во всяком случае тцар велел троим покинуть тцарство. Говорят, он плакал и убивался, но слово тцаря крепче адаманта, на том держится власть тцарей и крепость тцарств, и трое ошеломленных детей повиновались. Их мать Злата умерла с горя в тот день, когда они выехали за городские ворота.

С ними в добровольное изгнание отправились их наставники, их упростила несчастная мать, слуги, телохранители, а также часть родни, которые опасались мести Коломырды и ее детей, когда те придут к власти. И вот теперь трое братьев бегут, ибо не верят, что Коломырда оставит их в покое. Та, к несчастью, помнит о судьбе великого пращура Скифа, которого точно так же изгнали, правда – на тридцать лет; тогда думали, что с ним покончено, но Скиф собрал сперва малый отряд, потом войско и совершил великий поход в южные страны, где захватил их все, включая Мидию, Сирию, Палестину, а египетский фараон Псамметих вышел с дарами навстречу и униженно откупился. В захваченной Палестине Скиф остался на двадцать девять лет, а потом вернулся, ибо истекал его тридцатилетний срок. Он явился с великой силой, потрясателем Вселенной, но не казнил своих врагов, а поблагодарил за изгнание: иначе разве стал бы тем, кем стал? Сидел бы на печи, ел бы калачи, утирал бы сопли, и так – до старости.

– Коломырда боится этих троих, – сказала Векша со смешком. – Боится нищих, голодных, измученных!.. Боится, сидя во дворце, имея под рукой уже подвластного ее воле тцаря и огромное войско!

– Так Скиф... его предок? – спросила Ис медленно, вслушиваясь в звуки чужого, но теперь почти понятного языка.

– Прадед... или прапрадед, – отмахнулась Векша словоохотливо. – По прямой линии.

– А у Скифа как звали отца?

Векша пожала плечами:

– Кто знает? Разве что волхвы. А мы, простые люди, не знаем даже, как звали сыновей Скифа. Меж ним и нами столько поколений.

Лицо Ис оставалось встревоженным. Векша сказала успокаивающе:

– Чего так встревожилась? Все хорошо. Никто тебя не обидит.

Ис сказала тихонько:

– А ты не слышала случайно... такие имена: Гог и Магог?

Векша наморщила лоб:

– Погоди... погоди... Нет, вроде бы не слышала. Хотя что-то знакомое чувствуется. А что, родня тебе какая?

Смуглое лицо Ис побледнело, словно отхлынула вся кровь. Голос дрогнул:

– Нет... Ох, совсем нет!

Векша смотрела с удивлением, набрала в грудь воздуха, собираясь что-то сказать, но впереди вдруг заорали изумленно, сердито. В роще, куда подъезжали повозки, деревья стояли пугающе голые, будто зимой. Скелеты, а не деревья, даже трава у корней исчезла, оставив серую землю, странно струящуюся, шелестящую, словно бы та вдруг разом превратилась в гонимую ветром грязь.

Ис тоже увидела, ахнула:

– Боги!..

– Добрый был урожай листьев, – бросила Векша сожалеюще. – Да лесным богам не собрать уже.

– Что это? – прошептала Ис.

Она приподнялась, держась за борта, вглядывалась в непонятное. Ей показалось, что земли вовсе не видно из-за массы шевелящихся насекомых.

Векша понимающе кивала, а сбоку подъехал огромный воин, свирепый и со шрамами на лице и голых плечах. У него были такие же синие глаза, как у Руса и его братьев, открытое лицо. Ис сжалась, помнила, как огромные руки этого человека деловито вспарывали раненых, выдирали сердца и печень, как пожирал, довольно чавкая, хлюпая кровью. Воин густым голосом, привыкшим больше выкрикивать брань и угрозы, проревел:

– Гой ты еси! Не видала, красавица из преисподней? А в моих краях это привычное дело. Это еще что... Один раз мы плыли по морю, когда такая вот туча перелетала на другой берег. То ли ветер был встречный, то ли еще что, но эта крылатая мелочь решила передохнуть. Как навалились на наш корабль, а мы плыли на быстром двадцативесельном, как облепили, так мы и весла бросили, еле отбивались...

Он не выглядел словоохотливым, говорил медленно, будто ворочал камни. Но когда его жестокое лицо осветилось улыбкой, Ис показалось, что этот свирепый гигант вовсе не так лют, как выглядит. Она спросила робко:

– Отбивались?

– Ну да! Эти твари лезли за ворот, за пазуху, в рот, ноздри, уши, щекотали, набились на дно палубы... Когда их там набралось по колени гребцам, наш хозяин заорал, что их надо выбрасывать за борт... куда там! Руками не выбросишь, так начали черпать ведром, но у нас ни рук, ни ведер не хватило. А они все садились и садились, перевести дух решили... Я глазом не успел моргнуть, как вода хлынула через борт. К счастью, я хороший пловец, да еще сундук попался под руку... Я золотишко высыпал в дар морскому кагану, а на пустом добрался до берега. Один со всего корабля.

– В ваших краях было море? – спросила Ис.

Он махнул рукой:

– Чего в наших краях только нет... Ладно, увидимся. Меня зовут Бугай. Если кто будет обижать, зови на помощь.

Он уехал вперед, а Векша посмотрела на нее с недоверием:

– Наверное, ты в самом деле нечистый дух. С Бугаем, с таким чудом-юдом, да чтоб завести дружбу?

Глава 6

Красный свет падал на горы и скалы, заливая их, как кровью, багровым светом. Небо было пурпурным, а скалы торчали как окровавленные зубы. Рус потрясенно вертел головой. Уже третий день колеса звонко гремят по камню, горы начались как холмистые возвышения из гранита, затем выросли, между ними тянулась узкая долина, заросшая лесом, а пологие горы превратились в стены из остроконечных скал.

Гойтосир долго смотрел на небо, нюхал воздух. За ним насмешливо следил Корнило, второй волхв, почти такой же древний, белоголовый, с седой бородой, только без черепа на поясе. Наконец Гойтосир изрек таинственно:

– Эти горы через два дня кончатся.

Кто слышал, почтительно переглянулись, волхв и должен зреть наперед, только один из дружинников, Ерш, вертлявый и хитрый как лис, скептически оттопырил губу. Его нос беспокойно подергивался, какую бы каверзу кому устроить, сон без этого не сладок, кусок хлеба идет не в то горло. Весь из тугих жил, беспокойный, лицо с желтоватым оттенком, будто сжигаем огнем изнутри, он исхудал едва ли не больше других, кожа да кости, но от усталости стал только ядовитее, шуточками доставал всякого, его сторонились, не в силах даже огрызнуться.

Гойтосир подумал, сказал еще веселее:

– Если не через полтора.

– Если мы не кончимся раньше, – не утерпел Ерш.

Чех спросил осторожно:

– Точно?

– Ну, – сказал Гойтосир с такой же осторожностью, – так же точно, как и то, что Бугай замается животом...

Чех довольно хмыкнул. Когда еще только дорога пошла вверх, он тогда посмотрел на Бугая, тот ехал рядом, и сказал неожиданно, что у того скоро заболит живот. Бугай посмеялся, но едва колеса застучали по камням, начал беспокойно оглядываться, наконец отъехал, присел за камнями. И потом так часто отлучался, что Ерш посоветовал сделать на портках разрез, чтобы не снимать так часто.

Гойтосир сказал мудрено, что опыт дает видеть по лицам, кто чего стоит, кому что выпадет. Так с первого взгляда можно угадать почти без промаха, открыт человек душой или нет, лукав или скрытен, здоров или втайне болен. А опытный волхв умеет читать не только по лицам. Глядя на скалы, уже видит за ними море, пустыню или темные леса.

На четвертый день, когда скалы пошли на убыль, а дорога потихоньку устремилась вниз, небо заволокло тяжелыми тучами. Медленно напоздали сзади, низкие и грозные, как лавина. Люди оглядывались, торопили коней. Рус слышал, как за спиной в небе пробуждается огромный зверь, взрывает спросонья, царапает небесный купол.

Ракшас вздрагивал, порывался пойти вскачь. Могучий жеребец не боялся крови, лязга железа, криков умирающих, но всякий раз вздрагивал и прижимал в страхе уши, когда над головой тяжело бухало, рокотало, трещал небесный свод, а обломки скал готовы были обрушиться на землю. Рус не придерживал, дал ему нагнать передний отряд, где двигался Лех.

А над головами грохот все нарастал. Незримые гиганты гнали тяжеловесных коней вскачь, небесная твердь дрожала под тяжелыми копытами. Лех заорал, замахал над головой руками. Оказывается, справа отыскался проход в скалах, который превратился в широкий вход в пещеру. Поспешно загнали туда коней, женщины с ближних телег хватали детей и забивались в глубину.

Потемнело, на землю упали странные лиловые сумерки. Незримые велеты настигли похитителей, страшно рубились иззубренными акинаками. От грохота болела голова. Небесный

купол трещал, хрустальные плиты рушились на мир, а затем уже не куски, а весь небосвод трещал и с грохотом валился на землю целыми скалами. От жуткого полыхающего огня кровь стыла в жилах: он был холоден как лед, а языки пламени горели яростью небесной мощи, непо-стижимой человеку.

Мощно хлынули плотные струи. В землю били с такой силой, что комья грязи взлетали выше головы, в трех шагах от входа в пещеру видна была лишь серая стена воды. Воздух стал холодным, одежда промокла и мерзко липла к телу.

Лех что-то кричал, Рус не мог разобрать слов, потом Лех бросился в дождь и про-пал. Земля тряслась, страшные удары продолжали раскалывать каменное небо. Пахло дымом, гарью. Сквозь пелену дождя пробился язык огня, но тут же потоки воды загасили, Рус услышал только шипение, взметнулся столбик белого пара.

Сквозь грохот внезапно услышал дикий вопль:

– Он накликал беду!

И тут же еще один:

– Он, он!.. Украл у бога невесту!

– Святотатство!

За стеной падающей воды мелькнули фигуры, неузнаваемые, смазанные дождем, хотя Рус не сомневался, что это сам Гойтосир с помощниками.

Ис дрожала в его руках, Рус прижал ее к груди, и тут же дрожь исчезла. Девушка вздох-нула и закрыла глаза.

Рядом с Русом молодой дружинник по имени Шатун прокричал:

– На этот раз бог вмешался сам!

В голосе его пополам со страхом было и странное веселье. Глаза горели восторгом, он жадно всматривался в нависшие тучи. Оттуда выметывалось жутко и мощно огненное копье. Все видели, как пылающий наконечник ударил в высокий острый обломок скалы, брызнули искры, а когда дым рассеялся, огромный камень оплавился, как глыба воска на солнце, на его месте кипел и жег воздух багровый пузырь. Красные тяжелые волны стекали на землю, застывали, как невиданная красная наледь, что медленно теряла страшный цвет, застывая, становясь серой.

Из стены дождя вынырнул огромный всадник. Струи воды били в него с такой силой, что он весь искрился, окруженный облаком сверкающих брызг. Даже блестящий, как рыба, красный конь был пугающе грозен, словно принадлежал богу дождя. Рус ощутил, как в груди зашевелился страх перед небесной мощью.

– А я все равно не отдам, – прокричал он, но голос его потонул в реве падающей воды и грохоте. – Мне чужие боги... не боги.

Однако по телу прошел смертельный холод, руки ослабели. Он чувствовал, что уже не удержит с прежней цепкостью тяжелую боевую палицу.

– Все равно, – шепнул он. – Не отдам.

Всадник спрыгнул с коня, разбрасывая веер сверкающих брызг. Рус узнал Леха, тот был похож на огромную рыбу, блестящую, с прилипшими перьями, сильную и веселую.

Лех встал рядом, его руки со страшным скрежетом вытащили из-за спины длинный меч. Волосы прилипли ко лбу. Голос был хриплый, яростный:

– Я с тобой!

– Лех, спасибо... Но это моя судьба. Тебе лучше в стороне.

Лех грохочуще рассмеялся. Лезвие меча холодно блестело, разбрасывая струи. Он стоял, широко расставив ноги, плечи и руки напряжены, от него шла такая жажда крови, что передние крикуны умолкли, остановились, а вопли раздавались только сзади.

Рус взял палицу в обе руки. Все знали ее ударную мощь. Видели, как младший сын Пана одним ударом вбивает в твердую землю валун словно острый колышек, и знали, что нет щита, что остался бы цел, нет богатыря, который бы выжил, попав под его удар.

Лех обернулся, струи ливня хлестали по голове и плечам, плотной пленкой сбегали по лицу:

– Скажи им, Рус!

Рус отшвырнул женщину себе за спину, там им всем место, а палицу вскинул высоко над головой:

– Я отнял эту женщину у чужого бога! Так отдам ли вам, мелкие твари?

Голос прогремел страшнее грома. В нем было столько ярости, что молния поблекла, а гром прогремел тише, словно попятился. Лех дико захохотал:

– Твои слова острее моего меча!

Из серой ревущей стены дождя выныривали согбенные фигуры, окружали. Вода разбрызгивалась с их плеч, волосы слиплись. Все казались вынырнувшими из моря зверями донных пещер, злобными тварями, не понимающими людской речи. Они что-то кричали, но шум падающей воды, грохот над головами превращали вопли в плеск воды, Рус видел только широко разинутые рты.

Меч Леха блестел в сполохах молний. Сбегающая с лезвия вода ловила и уносила вспышки в себе, и казалось, что Лех держит в руках исполинский меч-молнию, дрожащий от ярости и жажды крови. Мокрые волосы прилипли, вода бежала по его лицу, затуманивая глаза, но внезапно он дико заорал, едва не оглушив Руса:

– Мы победили!

– Что? – спросил Рус хрипло. – Кого?

– Ихнего бога! – крикнул Лех еще громче. – Надрали ему задницу!.. Зря хлебалом шелкал. Убрался несолоно хлебавши!

Голос его становился громче, но лицо темнело. Рус потрясенно понял, что это не Лех кричит громче, а гроза уходит, гром отдаляется, молнии сверкают слабее, да и сам ливень быстро редет!

Он не успел перевести дух, как стена ливня отодвинулась и пошла между скал на простор. За ней уже не вздымалось пыльное облако, а лишь взлетали и тяжело плюхались обратно комья грязи. Лех опустил взор на испуганных, обозленных людей. Они пятились, растерянно сжимая топоры, палицы, копья.

– Видали? Ничего не могут даже боги, если человек – человек, а не тварь дрожащая!

Вдали из-за телег вынырнул конный отряд старшей дружины. Солнце прорвало тучи и блестело на мокрых доспехах, искрились наконечники копий, лезвия обнаженных мечей. Чех мчался во главе, его синие глаза выдавали страх, но он же, увидев, как от Леха и Руса пятится народ, разом остановил дружинников, взмахом руки велел убрать оружие. Они послушно рассеялись, стараясь делать это незаметно.

Не хочет, понял Рус, чтобы люд видел, что их вождь спешил к нарушителям. Чеху труднее всего: он должен быть и отцом всем беглецам и в то же время не хочет оставить на растерзание родных братьев.

Он повернулся к Ис. Она стояла за его спиной молчаливая, напряженная. В ее руке был нож, острый кончик приставила к левому боку. Сердце Руса стиснулось от любви и нежности. В мокрой, прилипшей к телу одежде она выглядела совсем тонкой, хрупкой, беззащитной. Глаза ее все еще оставались тревожными. Он ободряюще бросил:

– Победа!

А Лех заржал весело, как молодой сильный жеребец:

– А тому богу она прилась, прилась... Ишь как разъярился! Я бы на его месте ради такой и с печи бы не слез. А он какой шум поднял, какой шум!

Он вскинул меч над головой, показывая могучие предплечья, блестящие от воды, повернул острием вниз и со стуком бросил в ножны за спиной. И снова не промахнулся, невольно подумал Рус, не срезал себе задницу, чего все время от него невольно ждешь.

Наконец неспешно подъехал Чех. За ним в седлах высились двое таких же невозмутимых бояр. Голос старшего брата был густой, спокойный и размеренный, словно он не видел, как только что блистали мечи:

– А я бы сказал, что здешний бог обрадовался, что черную от него забрали.

Рус оскорбленно дернулся: она не черная, а смуглая от солнца, Лех же сказал живо:

– Я бы вовсе в пляс пошел... А чего ты так решил?

В синих глазах Чеха пряталась насмешка:

– Чего нам больше всего не хватало?... Воды. Вот местный бог и послал нам добрячий ливень. Можно сказать, в пляс пошел. Или доплатил нам, что забрали. Гойтосир все бурдюки успел наполнить!

Рус сказал с гневом:

– Так чего ж он горлохватов сюда привел?

Чех даже не повернул голову в его сторону:

– Он не один, кому не все в тебе нравится.

Издали доносилась песня. Рус прислушался. Имя певцу дали любящие дед и баба, что-то очень длинное и красивое, но, по рассказам, мальчишка с колыбели удивлял звонким, чистым голосом, с детства научился складывать песни, его прозвали Гамаюном за способность петь без устали, а потом вовсе прозвище сократили до Баюна, ибо он умел баить еще и складные бывальщины из жизни древних героев. Он охотно откликался на Баюн, ибо это роднило с вещей птицей Гамаюн, что песней вызывает зарю. Теперь уже никто и не помнит, как его звали на самом деле, а он не скажет, стыдится длинного и слишком пышного имени.

Рус поглядывал на Баюна всегда с опаской. Высокий, сутулый, он был некогда неплохим воином, но зачем-то без всякой нужды сменил боевой топор на дудку и бубен. Добро бы увечный, калека, но все знали силу рук Баюна, когда он в шутку боролся на кистях или на поясах. Но взялся за немужское дело, играл и пел, сам складывал песни, да такие, что душа замирала от восторга, такого острого, что хотелось то плакать, то вскочить на коня и мчаться по степи куда глаза глядят. Пан говаривал, что Баюн одной песней может бросить на врага больше людей, чем он, всемогущий тцар, может остановить бегущих перед лицом врага, может ссадить с коней героев и заставить пахать землю, но может и мирных землепашцев посадить на коней и сделать лютыми воителями.

Он ценил Баюна, и никогда бы не отпустил с изгнанниками, так что беглецы сами обнаружили догнавшего их Баюна только на седьмые сутки. Баюн в Исходе поднимал дух изгоев боевыми песнями. Сочинял быстро, они рождались в нем то ли во сне, когда посылали боги, то ли получал в дикой скачке, когда степь несется навстречу, ветер рвет ноздри, а душа замирает...

Когда он умолк, Рус послал коня к нему ближе. Баюн был в полной мужской силе, по своему красив, в плечах широк, лицо открытое. Такие нравятся девкам, таким доверяют мужчины.

– Скажи, – спросил Рус неожиданно, – почему ты пошел с нами?

Баюн озорно блеснул синими глазами:

– Именно потому.

– Почему? – растерялся Рус. – Я тебя не понял.

– Ты не договорил, – ответил Баюн усмешливо, – что впереди нас ждет неведомое, беды, страдания, лишения, а позади осталась спокойная и сытая жизнь. Потому и пошел, отвечая заранее, что впереди – неведомые земли. В сытости певец умирает. Тело еще живет, но певец в нем уже покойник.

Рус тряхнул головой. Или Баюн говорит слишком умно, прямо волхв какой, или же от усталости в голове мозги смешались, как тесто.

– Как это покойник?

– Певец покойник, – объяснил Баюн с покровительственной усмешкой, что начало раздражать Руса. – Сытость и довольство убивают певца. Тело живет, жиреет, но певец... певец умирает, когда перестает складывать песни. А просто петь их... Так это не певец, а его тело поет. Раскрывает рот и поет.

Рус пробормотал:

– Певец не поет, а только складывает песни?.. Что-то я тебя не пойму. Слишком умный, да?

– Кто, я? – удивился Баюн.

– Ну не я же, – отрезал Рус с раздражением. – Вот что, умник. Ты что-то слишком часто начал вертеться возле моих повозок. Моей женщине твои песни не нужны, понял?

Он сам ощутил, как лицо перекосилось яростью. Наверное, он еще и побледнел страшно, ибо Баюн поспешно отодвинулся вместе с конем. Глаза его тревожно замигали.

– Ты не прав, Рус... но я буду держаться от твоей женщины подальше.

Он подал коня в сторону, вид был обиженный. Холодная ярость не оставляла Руса. Он смутно удивлялся такой дикой вспышке, даже руки затряслись от желания схватить сладкого певца за горло, выдавить душу и с наслаждением швырнуть обмякшее тело под копыта коня.

– Я прослежу, – процедил он ненавидяще. – А увижу близко, убью.

Баюн отъехал еще, крикнул издали:

– Ты не прав! Она – необычна. У меня песни сами складываются, когда ее вижу. Но я живу только ради песен!

Рус прокричал вдогонку:

– Обойдемся без твоих песен, байстрюк проклятый!

Глава 7

Степь ширилась, стена леса влево отступала, пока не превратилась в чернеющую полосу. Справа одно время вовсе пропала, затем появилась, но почти не приближалась. От леса остались одинокие рощи, небольшие гаи, а чаще всего деревья отступили в балки, там теснились, сцепились ветвями. Там под их кронами не высыхают ручьи, а ключевая вода неслыханной чистоты.

В голубом небе плавают, растопырив крылья, ястребы, кобчики, высматривая мышей и мелких птиц, важные дрофы бродят неспешно, им лес не позволит бегать и суетиться, как мелочь.

Повозки начали останавливаться, и Рус поскакал туда во весь опор. Там слышался рев, треск, воли и кони ускорили бег, неслись со всех ног. Но он сам, иссохший от зноя, ощутил разлитый в воздухе восхитительный запах воды раньше, чем увидел маленькую речушку. Даже не речушка, а большой ручеек, что неожиданно вынырнул из-за деревьев, едва не свел с ума скот, что уловил аромат воды раньше людей, рвался в ту сторону, несмотря на плети и удары, а упряжные воли, привыкшие к ударам плетей, попросту ускорили бег и неслись, растряхивая повозки, пока не вбежали в воду по брюхо.

Оставив разбитые и поломанные повозки на берегу, люди тоже со всех ног вбежали в воду, жадно и много пили, плескались, орали от счастья дурными голосами.

Чех подъехал, посмотрел с коня, буркнул, как будто ничего не случилось:

– Привал до утра.

Лех посмотрел на небо:

– Солнце еще высоко!

– Взгляни на повозки, – посоветовал Чех.

Дюжина вверх колесами, у иных колеса отлетели вовсе. Постромки спутались, а ветхие – порвались. Да и те, которые выглядят целыми, не пройдут далеко, если сейчас не укрепить, не подправить, не заменить ту или другую часть. Кузнецы уже вытаскивали походные горны, их молодые помощники с завистью смотрели на плескающихся в реке.

– Может быть, – определил Чех, – даже за ночь не успеем. Пусть скот отдохнет сутки.

– А люди? – спросил Лех.

Чех буркнул как само собой разумеющееся:

– Люди не скот, нам отдыхать некогда.

Гойтосир, что ревностно находился возле князя, добавил наставительно:

– Кто отдыхает меньше, тот и запрягает того, кто отдыхает больше. Так заведено богами!

Лех поморщился, от умных речей всегда почему-то дурно, соскочил на землю:

– Эй, Рус!

Рус ерзал на коне, разрываясь между почтением и послушанием, Чех и Гойтосир – оба знающие, и детским желанием заорать дурным голосом и ринуться вместе с конем в воду.

– Ну?

– Заедем чуть выше, а то эти дурни ил подняли уже не со дна, а уж и не знаю откуда.

Не дожидаясь ответа, Лех пустил красного коня вдоль берега вверх по течению, а потом с гиком и свистом влетел в светло-голубую воду, где отражались оранжевые облака, с двух сторон с плеском встали стены хрустальных брызг до небес, и слышно было, как счастливо орал золотой всадник на пурпурном коне, а конь визжал и радостно молотил копытами, не переставая поднимать брызги.

Рус едва удержался от страстной жажды помчаться следом. Замедленно, будто сдвигал гору, повернулся к повозке, на которой ехала его женщина со странным именем:

– Я приду... чуть позже.

Чех усмехнулся краешком губ, тронул коня. Они вошли в воду тоже выше по течению, князю так и надлежит, там Чех соскользнул в воду, напился вдоволь, потом быстро расседлал коня и начал его мыть. Рус пустил Ракшаса к повозкам, оттуда уже выскакивали женщины и дети, с визгом бежали к воде.

Заринка откинула полог навстречу:

– Что стряслось?

– Река, – сказал Рус счастливо. – Не проспи, поросенок... Где Ис?

Из-за полога пахнуло ее запахом, сердце радостно затрепетало. Он умел вычленить аромат ее тела из сотен самых разных запахов, но сейчас запах сказал, что она покинула повозку уже давно.

– Да вон же она, – ответила Заринка насмешливо. – Она сюда только на ночь приходит. Да и то, если бы ты не являлся...

Она хихикнула намекая, выпрыгнула и унеслась к воде. Вдоль длинной колонны подвод, что все тянулись и тянулись из пыльного облака, выметнулся всадник на оранжевом коне, быстром и горячем. Ис скакала уже уверенно, обеими руками держась за узду, чуть приподнявшись в стременах.

Волосы ее были на лбу перехвачены золотым обручем, так настоял Рус, а сзади она умело заплела косу, толстую, как змея, черную и блистающую крохотными искорками. Лицо разрумянилось, глаза смеялись.

– Река?

В ее словах остался сильный привкус чужого языка, что заставляло прислушиваться к ней больше, а душа Руса едва не выпрыгивала через уши, когда слышал ее странноватую речь, и почему-то самому хотелось говорить вот так странно, мило изменяя звуки.

Он протянул ей руку, сам удивляясь, зачем это делает, но Ис приняла как должное: соскочила на землю, легко опершись на его ладонь, и это простое движение наполнило его таким восторгом, что едва не завопил на всю вселенную.

– Смоем пыль и грязь, – предложил он. – Я уже забыл, какого цвета кожа у тебя на самом деле.

– На себя посмотри!

Он подхватил ее на руки, мощно и сильно швырнул едва ли не на середину реки. Испуганный вопль пронесся над водой, затем был могучий плеск, брызги взметнулись во все стороны, похожие на внезапно выросший среди реки диковинный цветок с прозрачными лепестками и высоким столбиком в середине. Ис скрылась под водой, и только тогда он вдруг подумал, что она, может, не умеет плавать.

Он сам не думал, что с берега можно так быстро оказаться на середине реки. Ис, барахтаясь, поднималась вверх, как вдруг ее ухватили страшные руки, вздернули грубо и свирепо вверх, пробив поверхность реки, как стену враждебной крепости. Она закашлялась, ослепленная солнцем. В ее расширенных глазах был ужас.

– Что ты хочешь... со мной сделать?

Он расхохотался, его руки опустили ее в воду, но теперь она чувствовала горячее тепло огромных ладоней, даже когда он не касался ее тела. Его руки все время были рядом. Она плескалась, смывала пот и грязь и все время ощущала себя в кольце его могучих рук, и от этого кровь прилиwała к низу живота, ноги становились слабыми, а руки двигались все медленнее и медленнее.

– Не надо здесь, – шепнула она. – Прошу...

– Не могу, – ответил он сквозь зубы. – Это сильнее меня.

Он подхватил ее на руки, сам оставаясь по шею в воде. Ис тихонько вскрикнула, тело Руса напряглось, и без того твердое, как из дуба, она послушно раскрылась навстречу, варвары не терпят сопротивления, охнула и задержала дыхание. Его широкие ладони сдавливали ее крепко

и плотно, как игрушку, горячая боль внутри прошла, сменившись странным чувством, которое она раньше не испытывала... а теперь ощущала все чаще.

Его лицо напряглось, он закрыл глаза, откинул голову, жилы натянулись туго, чуть ли не звенели, стиснул еще сильнее, она вскрикнула, он что-то сказал сквозь стиснутые зубы, пальцы на ее бедрах чуть ослабели, но она знала, что темные следы останутся надолго.

В сторонке слышались крики, плеск, конское ржание. Ис еще продолжала висеть как на дереве, чувствуя горячее сильное тело, впервые не стремясь с облегчением отодвинуться, ее руки обнимали его за шею, их глаза встретились, и она долго смотрела в его лицо, вся отдавшись новому странному чувству покоя, защищенности. Так она не чувствовала себя даже в своем родном племени, в своей семье.

Рус чувствовал, как ее тело вздрогнуло. Ис торопливо отодвинулась, опустила ноги. Когда коснулась дна, вода плеснула ей в лицо, она раскашлялась, он вытащил ее повыше, где воды было до пояса.

– Что-то случилось?

Голос его был полон страха. Она слабо улыбнулась, мокрое лицо блестело, но глаза щипало, и когда на губах ощутила соленое, то поняла, что беззвучно плачет.

– Нет, ничего...

– Но я же чувствую!

– Рус, мне вдруг показалось, что я предаю себя. Нет, не старайся понять. В каждом племени свои понятия. Но я... в самом деле принадлежу тебе. Не только потому, что ты меня взял! Еще и потому, что я сама так хочу...

Его глаза вспыхнули, как два солнца. Ис вздрогнула: неужто и она для него так много значит? Взмолвленная, отвела взор, словно искала, за что зацепиться, в трех шагах ниже по течению в воду вошел и шумно плескался могучий немолодой гигант, в его волосах уже проглядывала седина, но глаза оставались настолько пронзительно-синими, что Ис всякий раз брала оторопь, когда встречалась взглядом.

– Бугай, – прошептала она. – Как он страшен!

– Он хороший, – возразил Рус немедленно. Ис ощутила, как под ее пальцами напряглись его мышцы, будто готовился защищать Бугая даже силой. – Он... чист и великодушен сердцем!

Ее плечи передернулись, вспомнила окровавленный рот гиганта, когда с довольным ревом пожирал еще трепещущую печень врага.

– Это чудовище?

– Ис, – сказал Рус страстно, – он мог бы остаться, жить в богатстве и достатке. Да он и жил в богатстве! Он, если еще не знаешь, мой двоюродный дядя. Двоюродный брат тцара. Но когда нам велено было уйти в изгнание, он сказал при всех, что это нехорошо. И недостойно такого великого тцара, как Пан.

Ис слушала затаив дыхание. Мелкие волны плескали им в бока, а между ними вода стремилась проскользнуть как можно быстрее, чувствуя, что так делать нельзя. Мир скифов дик, странен, подумалось невольно, но подчинен каким-то законам. А самые важные законы те, что внутри человека, а не вне.

– И твой отец его не наказал?

– Покарав одного, получил бы сто новых противников. Он обратил все в шутку, предложил Бугаю выпить, позвал на охоту... Но когда пришел час покидать родной кров, мы увидели, как из ворот своего дворца выехал на огромном коне всадник в доспехах простого воина. Он не смог объяснить, почему так сделал, но зачем простые слова, если в нас просыпаются боги?

– Боги?

– Ну да, – сказал он гордо. – Наш прародитель, верховный бог Род, создал из глины зверей, но когда лепил нас, людей, то смешал глину со своей кровью. С той поры когда поступаем

особенно достойно, красиво – это в нас пробуждается кровь Рода. Волхвы говорят, что когда живем красиво, то становимся с богами вровень.

Она покосилась на звероватого воина. Нерасседланный конь Бугая, чем-то похожий на хозяина, стоял по колени в воде, неспешно и брезгливо отцеживал воду через оттопыренную нижнюю губу. Потертое седло украшено кожей, содранной с врагов, а длинными волосами жертв покрыт круп, заботливо предохраняя от зноя и оводов. Бугай довольно взревывал, плескал воду на свою волосатую грудь, похожую на грудь дикого зверя. Если он вровень с богами, то страшно представить, какие у скифов боги.

– Это теперь и мой мир, – прошептала она.

Рус подхватил ее на руки, мокрая одежда облепила ее тело плотно, вода текла в три ручья, бегом и с хохотом вынес на берег.

Еще через неделю земля пошла волнами. То и дело поднимались холмы, холмики, а еще через неделю земля вовсе отвердела, из нее торчали старые камни, белые, изъеденные ветром.

Дозор вернулся с рассказом о высоких горах, что лежат впереди. Правда, видна старая дорога, словно в древности великаны пробили, а потом забросили или вымерли. Чех колебался, собрался малый совет, решили ехать вдоль горной цепи, а наверх не забираться.

Ночами пасли коней, давали отдых скоту, а сами чинили повозки, латали одежонку, обувь. Женщины варили в котлах скудную добычу охотников. Иногда удавалось заповлевать и крупную дичь. Били ящериц, вытаскивали из нор сусликов, ховрахов, не брезговали полевыми. Искусные охотники били на лету уток и всякую птицу, что неосторожно пролетала вблизи, но когда совсем близко проходили стада туров, табуны диких коней, когда в полуверсте замечали, как огромное стадо свиней лакомится желудями, то усталые кони отказывались свернуть в сторону, и люди понимали их, не понуждали, берегли. Рус то и дело видел, как всадники, покинув седла, ведут коней в поводу, дают отдых.

Потом справа приблизились горы. От них веяло несокрушимой властью, тяжестью, угрюмым спокойствием, и, когда повозки пошли совсем близь коричневой с прожилками стены гранита, людям стало вовсе неуютно и тревожно.

Укрывшись, давали отдых верным коням. От них зависит и победа, и сама жизнь. Если потничек загнется или от одного попадания камешка или ветки, что в бешеной скачке взлетают выше головы! – поранишь спину. Подпрыгу надо затягивать в меру, иначе конь выбьется из сил быстро, а когда слезешь с него, то сразу же надо проверить, не поранены ли ноги, копыта.

Глава 8

Чех ехал во главе основного отряда. Он знал, далеко впереди за пределами видимости шныряет небольшой дозор на легких конях, хвост беглецов прикрывают тяжеловооруженные дружинники, а всю середину заняли движущиеся повозки. Им не было конца, и Чех смутно дивился: что же заставило людей покинуть обжитой мир? На изгнание были обречены всего трое!

Да, с ними ушли воспитатели, тиуны, родня по матери. Но таких от силы одна-две сотни. Но что заставило сняться с мест столько народу?

Лех и Рус ехали рядом, отпускать их далеко Чех не решался. Справа снова пошли горы, дорога то уходила от них далеко, то приближалась так, что ехали, задевая стремянами каменную стену.

Внезапно Чех насторожился, вскинул ладонь. Лех и Рус послушно остановились. Со стороны скал донесся шорох, стук камней. Чех прислушивался долго, и нетерпеливый Лех хотел уже тронуть коня вперед, как стук камней стал громче, покатались мелкие камешки.

А следом показались человеческие фигуры. Отсюда трудно было рассмотреть их как следует, но видно было, что измождены, не люди, а живые скелеты, едва обтянутые кожей. Иные голые, у других из одежды только набедренная повязка из разных шкур. Правда, в руках держали дубины из дерева, а у некоторых на веревочных поясах болтались мечи и ножи.

Трое братьев молча и настороженно смотрели, как те спускаются, ощупывая камни, как слепые. За передними появились люди с носилками из жердей и шкур. Судя по свисающим рукам, несли несчастного, которому было еще хуже.

Эти люди увидели чужих на конях, остановились. Потом, поколебавшись, обреченно продолжали спуск, пока не вышли на дорогу. Передние остановились, они шатались и хватались друг за друга.

Чех сделал знак одному приблизиться. Чужие переглянулись, потом один отпихнул передних с дороги, пошел тяжело вперед, ногами загребая пыль, не в силах оторвать их от земли.

Он был ниже Чеха почти на голову, но в плечах даже шире, грудь как сорокаведерная бочка, хотя сейчас все кости торчат наружу, едва-едва обтянутые сухой кожей, видно издали, что этот человек огромной силы и невероятной живучести.

Грудь выпячивалась, несмотря на удобу, но ребра торчали под сухой кожей так страшно, что могли ее прорвать в любой миг. Сухожилия выступили толстые, а мясо на ногах и руках словно истаяло под палящим солнцем и от внутреннего жара.

– Кто ты? – спросил Чех жестко. – И что это за люди?

Человек прислушался к речи великана, его пересохшие губы разомкнулись с усилием:

– Гой ты еси, могучий вождь. Мы... беглецы.

Голос был сиплый, измученный, с привкусом чужого языка. Лицо его было страшным, в ключьях серой бороды, грязные волосы падали на плечи. Когда он поднял голову, на братьев взглянули зеленые с серым глаза, похожие на первые вешние воды, когда в них отражается блеклое солнце.

– Откуда? – потребовал Чех.

– Из каменоломен. Ломали мрамор для дворца.

Лех сказал словоохотливо:

– Я слышал, мрамор на отделку дворцов Пану привозят из северных краев. Только я думал, что это по ту сторону гор.

Человек сказал тихо:

– Это и было по ту сторону. Мы, перебив охрану, захватили их оружие. Но пришли войска, мы отступили через горы. У нас не было ни еды, ни одежды.

– И много вас? – продолжал Чех настойчиво.

– Было пять тысяч, – ответил невольник. – Когда подняли бунт, нас оставалось меньше четырех. Когда перебили охрану, осталось две тысячи. А когда начали отступать через горы, было не больше тысячи... Теперь нас наберется ли двести, не знаю.

Сзади слышался конский топот. Чех оглянулся на подъезжающего Бугая с его воинами. А невольники уже все спустились с гор, многие сразу повалились в теплую дорожную пыль, другие неуклюже ставили носилки с ранеными друзьями под скалы, укрывая от жгучего солнца.

Чех сказал холодно:

– Бугай, приведи сюда людей и убей этих рабов. Они преступники.

Лех смолчал. Чех прав, а Рус неожиданно даже для себя вскричал негодуя:

– Чех! За что? Они ж нам ничего не сделали!

– Они нарушили законы, – сказал Чех жестко. – Они перебили стражу. Только за это надо карать смертью! А еще... Ты посмотри на них. Думаешь, в каменоломни посылают людей просто так?

Человек, который стоял перед ними, покачивался даже от порывов ветра, но и сейчас выглядел несломленным. Он мог быть вожаком разбойников, а его люди с их злобными лицами все могли быть сплошь убийцами, насильниками, осквернителями святынь, пожирателями детей...

Рус сказал печально:

– Да, ты прав. Но не надо обагрять кровью преступников наши благородные мечи и топоры. Мы не палачи. У них нет воды, а ночной холод убьет сегодня же еще половину. А завтра помрут и остальные.

Чех пожал плечами и, не удостоив взглядом беглых рабов, пустил коня дальше по дороге. Лех остался поболтать с Бугаем, а Рус убито вернулся к своим повозкам.

Так они и тянулись, вздымая пыль. Здесь, когда колеса не увязали, а стучали по твердому, волы повеселели, а измученные люди забирались в повозки. К Русу подскочил возбужденный Буська, радостно сообщил, что неподалеку наткнулись на ключ с холодной водой. Скот напоили, бурдюки наполнили.

Рус оглянулся на беглых рабов. Повозки тянулись мимо, а они уже почти все лежали на земле. Лишь с десятков стояли, прислонившись к каменной стене. Они ничего не просили, только провожали запавшими глазами повозки.

Он зачем-то слез с коня, а сзади над ухом шелестнул тихий голос:

– Они все умрут.

Он вздрогнул:

– Ис, не подкрадывайся так тихо! Я когда-нибудь тебя нечаянно убью.

Ис с печалью и скорбью смотрела на измученных людей. К ней подошла Заринка, в ее глазах отвращение медленно таяло, взамен пришло удивившее Руса сострадание. В темных глазах Ис была глубина лесного озера, которая его всегда пугала и притягивала. Заринка обняла Ис, и они стояли молча, разные, как день и ночь... и в чем-то одинаковые.

– Они умрут, – повторила Ис.

– Я знаю, – огрызнулся он.

– Им хотя бы воды, – сказала она с упреком. Заринка прижалась к ней крепче, словно передавала часть силы.

– Это беглые рабы, – возразил он. – Убийцы, воры, преступники. Разве у вас их не казнят? Но им дали возможность жить, работая в каменоломнях. Убили стражей, а это люди, у которых жены, дети! Прав был Чех.

- Прав, – ответила она тихо. – Но есть вещи выше даже правды.
- Что? – не понял он. – Что есть выше правды? Выше справедливости?
- Доброта, – ответила она тихо. – Милосердие.

Он стиснул зубы, отвернулся, стараясь не смотреть в сторону беглых рабов. Сейчас они тоже бегут от козней всемогущей Коломырды, и кому нужна правда и справедливость?

Проехали все повозки Чеха, затем долго тянулись телеги Леха. Когда показались подводы Руса, он отъехал от Ис с Заринкой, но и спиной чувствовал немой укор. На облучке третьей телеги сидел Корнило, старый волхв, чем-то похожий на Гойтосира, такой же седой, длинные серебряные волосы на лбу перехвачены простым кожаным ремешком, темное лицо, нос крючком. Он остро взглянул на рассерженного Руса, чему-то усмехнулся, натянул вожжи. Кони охотно остановились.

В длинной белой одежде он был похож на духа, вставшего из могилы, – бледное лицо, горящие глаза, но Рус знал, что на самом деле Корнило во всем уступает Гойтосиру, тот редко позволяет ему даже помогать при жертвоприношениях. Может быть, потому Корнило и держался ближе к Русу, найдя в нем что-то родственное: тому тоже редко что удавалось.

- Что-то случилось? – крикнул Рус зло.

Он вскочил в седло, Ракшас заплесал под ним, чувствуя тревогу и растерянность всадника и не зная, куда кинуться.

– Да нет вроде, – ответил Корнило медленно, – мне показалось, что ты согласишься что-то сказать.

У него был скрипучий голос, слишком резкий и сильный для старика. На коленях лежал посох с резным кругляшом, Корнило не забывал, что он – волхв, из-за пояса торчали крылья летучей мыши.

Рус ударил коня пятками, сделал круг вокруг повозки, крикнул зло, сердясь на себя и не понимая, почему делает именно так:

- Дальше идем пешком!.. Дорога хорошая.

Корнило поинтересовался еще медленнее, так что Рус готов был обрушить свою страшную палицу на голову старого волхва:

- Что? Зачем?
- Это не долго, – ответил Рус сердито. – Всего день-два. Пока вот эти не оправятся.

Он указал на беглых рабов. Корнило всмотрелся, покачал головой:

- Помрут прямо на телегах! Или рассыплются от тряски. Это уже не жилища.
- Делай, – велел Рус лютно. – Да побыстрее, а то отстанем.

Отвернувшись, он успел заметить, как Заринка бегом принесла бурдюк с водой, подала жожаку невольников. Тот принял благодарно и пил, не отрывая от Заринки сумрачно тоскующего взгляда.

Эти живые трупы даже не поняли, что от них хотят. Только их жожа, он назвался Совой, да десяток могучих скелетов еще держались на ногах настолько, что помогли погрузить своих сотоварищей на повозки.

Женщины Руса роптали. Грязные рабы лежали вповалку прямо на их запасных одеждах, другие плелись, держась за подводы, но дети были рады побегать; Ис принялась хлопотать с больными и ранеными, и Рус ощутил странное облегчение. Будто бы снял с души тяжкий камень, а не напротив – погрузил на свои телеги двести беглых и опасных рабов!

Заринка, глупая девка, еще не огрубевшая сердцем, топталась возле Ис, пробовала помогать.

Правда, наутро их уже осталось сто восемьдесят. Двадцать умерли от истощения и ран, но другие быстро восстанавливали силы. Ис не спала и другую ночь, врачевала, учила Заринку и других женщин промывать раны и язвы больных.

На рассвете прискакал Лех. Удивленно посмотрел на разросшийся лагерь Руса:

– Я слышал, но сперва не поверил. Ты в самом деле взял на телеги беглых рабов?

Рус ощутил, что не может смотреть в ясные глаза Леха.

– Ну, взял...

– Почему?

– Не знаю, – ответил он мрачно. – Что-то толкнуло, вот и взял. Теперь жалею, но не стану же отказываться, раз надумал! Не по-мужски.

Лех покачал головой. В глазах были смех и удивление:

– Рус, когда ты повзрослеешь? Ну, хочешь, я сам их... нет, не мечом, а взашей?

Рус колебался, что-то останавливало, и уже совсем готов было согласиться, когда от ближайшего костра подошел Корнило. Глаза его были красные от усталости.

– Рус, – сказал он хмуро. – Не знаю, что тебя толкнуло взять их с нами... но это крепкие люди. В каменоломни слабых не отправляют, там выживают только самые сильные из сильных. А их переход через горы? Их живучесть невероятна. Уже сегодня половина слезет с повозок. А завтра все пойдут своими ногами. Вот только еды у нас больше нет! Ты велел их накормить, а на это ушло все, что у нас было.

Лех засмеялся, а Рус сказал разозленно:

– Так отправь наших людей в стороны! Остался же кто-то на ногах? Пусть поищут дичь.

Корнило поклонился:

– Я уже велел от твоего имени.

Он ушел, а Лех предложил:

– Ну? Я пойду разгоню?

– Они сожрали все мои запасы, – ответил Рус сердито. Он чувствовал себя глупо, как никогда, отводил глаза. – Пускай теперь хоть как-то отслужат. Я должен переложить на них какую-то работу. Потом, когда обростут мясом. Или хотя бы перестанут падать от ветра.

Русу передали, что Чех в ярости. Старший брат, как Рус сам видел, стиснул челюсти, брови сшиблись на переносице, вид был настолько грозен, что даже бояре страшились подходить близко. Не ровен час, даже спокойный человек может потерять терпение. Особенно тот, у кого такие братья.

Однако Чех пересилил себя, смолчал. А Леху сказал, что Рус после этой дурости какое-то время не натворит новых. Будет расхлебывать эту, а они в племени вздохнут с облегчением.

Рус в самом деле ближайшую неделю сам устраивал облавы на зверя, птицу, в каждом из ручьев, которые пересекали, ловил рыбу. Нужно было кормить не только своих, но и голодных рабов. Они на глазах обрастали мясом. Это оказались очень сильные, жилистые люди, иные были просто гиганты. Рус обратил внимание на шрамы – такие получают от острого металла, а не от камней, – подозревал Сову:

– Раз уж мы едем вместе, рассказывай о своих людях. И кто ты сам?

Сова поклонился. Он был на голову ниже Руса, но в плечах настолько шире и массивнее, что разница в росте вроде бы и не чувствовалась. Его кости были широки, а ладони выглядели как лопаты. Лицо все еще было худое, а глаза прятались под выступающими надбровными дугами, но теперь в них горел яростный огонь жажды жизни.

– Я был воином, – ответил он невесело, но в голосе невольно прозвучали ярость и тщательно упрятанная гордость. – Сперва ратником, потом командовал конным отрядом. Не хваюсь, но я не знал поражений. В тридцать лет уже воевода! Да... я был самым молодым военачальником в войсках Пана.

Он умолк, Рус поторопил нетерпеливо:

– Но почему вдруг там, в каменоломнях?

– Не на того поставил, – ответил Сова с хмурой усмешкой. – Когда на кордоне началась драка между начальниками крепостей, пошли в ход доносы, подкупы, я вынужден был принять чью-то сторону. Иначе бы меня сожрали. Ну а потом оказалось, что противник нашел кого-то нужного во дворце. Словом, меня обвинили в измене. Так я оказался в темнице. А потом самых крепких послали ломать камень для тцарского дворца.

– Для тцарского дворца не нужен был камень.

Сова хмуро усмехнулся:

– Так это называлось. На самом деле дворец строили для Коломырды. Она часто приезжала, смотрела.

– Ладно, поверю, – сказал Рус нехотя. Верить не хотелось, но слишком часто подтверждалось, что не все ладно было в землях его отца. – А другие?

Сова пожал плечами:

– Разные люди. Есть такие же оклеветанные, есть убийцы, воры, грабители. Не знаю, как дальше, но сейчас только кивни – отдадут за тебя кровь и души. Когда у меня набирался хоть малый отряд таких людей, я побеждал с ними целые войска... И если у тебя есть свободные копыя или запасные тетивы, ты можешь дать нам. А луки сами выстругаем. И добычу начнем искать.

Рус оглянулся по сторонам, приглушил голос:

– Свободных нет, но на телеге кузнеца везут железные наконечники. Вам надо только выстругать древки.

Сова кивнул и тут же отошел. Похоже, жалея младшего брата князя – таким он считал Чеха, он тоже не хотел, чтобы их видели вместе. Рус ощутил, как щеки осыпало жаром. Видно по всему, этот преступник понимает его стыд, жалеет!

Озлившись, он пустил Ракшаса следом. Плечи вожака каторжников напряглись, Рус видел по движению мышц, что готовится прыгнуть в сторону, избегая разящего удара. Рус бросил с высоты седла громко, чтобы слышали и другие:

– Сова! Тебя Совой зовут, верно? Догони во-о-о-он ту подводку. Там хозяйство Ерша, а у него всегда с дюжину тетив отыщется. Скажи, я велел поделиться.

– Спасибо, вождь, – ответил Сова. Он поклонился, пряча усмешку. В глазах было сдержанное одобрение.

Рус вскипел, конь под ним прыгнул, помчался в голову колонны. Похоже, этот бывший воевода чувствует и понимает его слишком хорошо!

Глава 9

Конь ступал чутко, огромное звездное небо колыхалось над всем огромным темным и неведомым миром. Купол был черным, а звезд высыпали целые рои. Все крупные и яркие настолько, что искорки кололи глаза. Сердце Руса сжималось от непонятной тоски. В груди разливалась сладкая щемящая тоска. С уходом солнца все меняется, в страхе умолкают птицы, потом приходит чернота, и вот уже они с верным Ракшасом двигаются совсем через другой мир!

Этот мир странный и пугающий. В нем птицы не поют, воздух холодеет, голову страшно поднять, ибо вместо ласкового синего неба тут же упрешься взглядом в страшную черноту, усеянную колкими звездами!

Но Рус любил смотреть в небо, хотя в груди всякий раз разливалась тоска и щемящая боль. В этих звездных роях чувствовалась даль, куда не добраться ни всем племенем, ни даже высланным вперед отрядом сильных и выносливых. Костры ли это небесных охотников, горящие ли города неведомых людей, к которым он не сможет прийти на помощь?

Он чувствовал, как неслышно подошел другой конь. Еще не видел, кто в седле, а по телу пробежала радостная дрожь. Тот конь обнюхался с его жеребцом, тихо фыркнул. Быстрая, легконогая лошадка по имени Молния, которое заслужила за скорость бега и горячий нрав.

Рус повернул голову. Большие темные глаза Ис в слабом лунном свете казались бездонными пещерами, а губы стали почти черными. Она держалась в седле еще настороженная, чуткая, как зверек на ветке. Скифы ее сторонились, с нею общались, кроме Векши, разве что Бугай с Заринкой да еще бежавшие из каменоломен. Чтобы меньше общаться с женщинами, они все смотрят враждебно, черноволосая женщина в три дня научилась держаться в седле. Теперь, куда бы Рус ни ехал, всюду чувствовал на себе ее вопрошающий взгляд.

Кони их шли рядом. Некоторое время она молчала, но Рус чувствовал ее напряжение. На звездном небе четко вырисовывался ее гордый профиль, лунные блики играли на высоких скулах, слегка выступающем подбородке.

– Почему? – спросила она наконец.

– Что?

– Так смотришь на звезды. Ты смотришь на них слишком часто. Это мой народ поклонялся звездам и ненавидел солнце, что понятно – мы жили в жарких песках, когда только ночь давала прохладу, а солнце губило все живое... Но ты смотришь без вражды, а... с недоумением. И тоской. Почему?

Он покачал головой:

– Не знаю. Что-то начинает щемить в груди всякий раз, когда смотрю в небо, полное звезд.

Она помолчала, сказала осторожно:

– Я поняла, что люди ропщут. Они не хотят идти ночью. Да и волхвы мутят народ.

– Люди боятся ночи, – ответил он хмуро. – Боятся, но сами не знают чего. Всюду им чудятся демоны, слышатся вопли! Таких жутей наслушаешься... Братья не боятся, но Чех любит порядок, а Лех всегда носится на горячем коне сломя голову. Его кони на полном скаку даже днем ломали ноги в хомячьих норках, а уж ночью успеть заметить их... нет, даже сова с ее глазами не успеет увидеть!

– Сейчас самые жаркие дни лета, – заметила она. – Воды у нас мало, так что хоть и ворчат, но пусть идут.

Его сердце счастливо екнуло. Она впервые сказала «у нас», уже не отделяя себя от их племени.

– Есть люди, которые всегда недовольны, – сказал он, повторяя слова волхва Корнила. – Если бы мы шли днем, они бы требовали, чтобы двигались ночами!

Она покосилась темным загадочным глазом. Ее профиль все так же четко двигался среди звезд. Те исчезали перед ее лицом, а выныривали из ее распущенных волос потускневшие, словно оставив там блеск и запас искорок. Ему почудилось, что она все не решается спросить что-то очень важное для нее. Он улыбнулся как можно мягче, бедная женщина все еще страшилась его, хотя и льнет к нему, как единственному защитнику.

Она перевела дух и как в темную воду бросилась:

– Почему зоветесь сынами Скифа? Как я поняла, между тобой и Скифом было несколько поколений... Или я что-то услышала не так?

Он засмеялся:

– Слушать ты умеешь. И не только слушать, но и слышать. Сомневаюсь, не была ли ты в своем племени великой жрицей или ведуньей. Уж очень твой лобик часто морщится, ты все что-то придумываешь, докапываешься, дознаешься...

– Нет, я не была волхвиней, – отозвалась она тихо, все еще с робостью. – У нас только мужчины занимаются... этим. Так вы сыны или не сыны Скифа?

– А разве у вас не так? Уверен, что и вы зоветесь по имени либо первого вашего человека, основателя рода, либо по имени самого великого... У Скифа было два сына: Палий и Напий, или, как их стали звать близкие, Пал и Нап. Они построили два города-крепости: Палград и Напград. Развалины еще сохранились, хотя их никто не чтит, ибо тогда наш народ поклонялся богине огня Табити, а она не любила городов, обожала вольные степи. Мало кто даже из волхов помнит имена внуков Скифа, те тоже ничем особым не показали себя, имя свое не прославили. Потому мы и зовемся потомками Скифа, а то и просто сынами, потому что он лучше всех показал, что мы можем, к чему стремимся, что любим и как хотим жить!

Небо колыхалось над головами, темная степь скользила под копытами. Реальным было только седло и горячее мускулистое тело коня, даже женщина рядом казалась ненастоящей, сотканной из его грез, мечтаний, затаенной страсти к чудесному, новому, небывалому.

– А что вы хотите? – прошелестел ее тихий голос. – К чему стремитесь?

Тучка прикрыла месяц, но даже в темноте она видела, как блеснули его зубы.

– Сейчас нам бы только выжить... Но если выжить можно только ценой бесчестия, то мы предпочтем умереть всем племенем. Мы хотим жить красиво.

Она не поняла:

– Красиво?

– Красиво, – подтвердил он гордо. Она видела, как выпрямилась его спина. Плечи раздвинулись. – Достойно. Гордо. Красиво жить и красиво умереть.

И снова он видел, как она кусала губы, отводила взор. Спросил, уже немножко сердясь:

– Должна ли ты таиться даже от меня? Что у тебя на сердце?

– Да так, – прозвучал ее ответ. – Я просто не поняла... Ты вчера ночью заходил в шатер, где едут твои женщины. И вышел ты... почему-то хмурый.

Она видела, как он вздрогнул, даже сжался, так непривычно видеть всегда гордого и с расправленными плечами богатыря. Она ждала затаив дыхание. Наконец он пробурчал с великой неохотой:

– Да так... Малина, это моя давняя подруга, зазвала. Обещала показать что-то особенное.

– Показала? – спросила она едва слышно.

Ее пальцы сжались на поводке коня с такой силой, что не смогла бы разжать и воинская дружина. Затаила дыхание, страшась, что синеглазый витязь заметит.

Рус отмахнулся:

– Это я уже видел у коров. И коней. И овец... Нет, сердце жаждет чего-то необыкновенного. Иногда просто плакать хочется от этой жажды. Наверное, потому мы и стали беглецами...

Не из страха гибели, а по жажде увидеть странных двухголовых людей, что живут за горами, одноглазых великанов Степи, огромных летающих Змеев, которые воруют женщин и живут с ними в пещерах...

Она слушала молча. Рус говорил как-то торопливо, быстрее обычного, словно оправдывался. Она все молчала. Наконец он прервал себя на полуслове. Голос ее золотоволосого спасителя стал почти умоляющим:

– Ис!.. Я же вижу, ты хотела что-то сказать!

– Да? – спросила она нейтрально, сдерживая себя изо всех сил, но сердце стучало счастливо.

– Потому Малина и позвала, что я перестал заходить к ней... да к другим с того дня... с того дня, как появилась ты! Я сплю у костра с воинами. Правда, Чех и Лех тоже у костров, но я в самом деле... Ис, сердце мое привязано только к тебе.

Она опустила голову, пряча счастливые глаза. Этот воин и так сказал очень много. Похоже, со временем она сумеет принудить сказать и больше.

А то и сделать.

Они двигались сутки за сутками, земля оставалась испятнанной следами зверья, птиц, в воздухе порхали мотыльки, сверкали мертвым слюдяным блеском крылья стрекоз. Глаза всегда серьезного Чеха блестели радостью. Ни малейших следов человека! Наконец-то вступили в земли, куда еще не ступала людская нога. Крайний Север, Гиперборея, земли странных чудовищ, диких зверей...

Люди с каменоломен быстро обрастали жилистым мясом, в то время как остальные беглецы оставались тощими. Под началом они Совы изготовили себе оружие: сперва простые пики с обугленными для крепости в пламени костра концами, потом сделали железные насадки.

Сам Сова с самыми выносливыми сдружился с кузнецами, помогал, наконец Рус увидел его уже с настоящим боевым топором, искусно выкованным, с рукоятью из старого дуба, а на поясе появились два ножа в добротных ножнах.

Однажды ехали в настороженном молчании, когда впереди увидели дозор, что неся навстречу полным галопом. Чех напрягся, в глазах была досада: Лех и без нужды гоняет так, что конь вот-вот падет. А когда придет время двоя, окажется либо на измученном коне, либо вовсе пешим.

– Развалины! – орал Лех еще издали. – Город!

Двое дружинников, Ерш и Твердая Рука, подъехали медленнее, на Чеха косились с опаской. Их кони дышали тяжело, но пену не роняли, как красный жеребец Леха.

– А люди? – спросил Чех быстро.

– Людей не нашли, – быстро сказал Лех. – Правда, далеко не искали, но сколько глаз хватало... а место ровное!

Чех перевел взор на дружинников. Ерш ухмыльнулся:

– Когда нас увидели, сразу сбежали. Подумали, что гости... Такую ораву прокормить!

Твердая Рука развел руками. Его второе прозвище было Молчун, ибо словам предпочитал дело. Чех подобрал поводья, оглянулся:

– Лех, Рус, вы двое – со мной.

Кони резво пошли сразу галопом, им передалась тревога и волнение всадников. Развалины выступили из зарослей высокой травы отбеленные временем, сглаженные, но видны были следы кладки.

Рус соскочил на землю первым, сердце колотилось как перед боем. Лех без нужды дергал рукоять меча, вытаскивал до половины и со стуком задвигал в ножны, а Чех спрыгнул прямо с коня на массивный камень с ровными краями.

– Позвать Корнила! – велел он нетерпеливо.

Твердая Рука сразу же повернул коня и умчался. Вскоре с ним прискакали еще всадники, где выделялся серебряной бородой Гойтосир, а следом тащилась повозка, запряженная двумя конями.

Гойтосир крикнул ревниво:

– Что может тот неумеха, что не умел бы я?

Корнило подъехал, натянул вожжи. Коня тут же принялись щипать траву. Чех поинтересовался подозрительно:

– Ты был, говоришь, дикарщиком?

Волхв вылез из телеги с кряхтением, морщился и хватался за поясницу. Вокруг камня обошел медленно, прихрамывая, нехотя пощупал, отмахнулся:

– Кем я только не был. Что волишь знать?

– Что за развалины?

– Я такие уже встречал. И в горах, и в пустынях. Куда там этим! Целые дворцы видывал. А оказывалось, что их выстроили ливни да ветры. Успокойся, вождь.

– Точно? – не поверил Чех.

– Голову на отрез, – сказал Корнило с горделивой надменностью.

Все же Чех разослал в стороны охотников, а Лех и Рус тоже осматривали каждую пядь на несколько верст вокруг, искали то ли наконечник стрелы, то ли кости зверей, не разгрызенные, а со следами острого меча или топора, старое ли дерево с зарубками, еще какие следы, ибо человек есть особый зверь, после него след остается на века, как бы ни старался спрятать.

Но что на самом деле убедило Чеха – это зверье. Огромные жирные дрофы подпускали людей вплотную, смотрели с любопытством. Даже детвора наловчилась бить их палками. Олени, правда, к себе не подпускали, но паслись поблизости, давая время спокойно наложить стрелу на тетиву, долго целиться. Целые стада диких свиней прошли прямо через лагерь, ступая через ноги обомлевших людей. Одна свинья перешла прямо через остатки костра. Рус видел, как рассыпались под ее копытами багровые уголья, а затем только истошный визг дурехи всполохнул стадо. Фыркающая и хрюкающая, они перешли на неторопливый бег и скрылись в сгущающихся сумерках.

– Да, – признал Чех наконец. – Здесь нога человека не ступала! Мы первые.

– Теперь-то ты доволен?

– Доволен? – огрызнулся Чех. Глаза его были встревоженными. – А ты знаешь, каков спрос с первого?

Теперь они двигались границей леса, слева простиралась необъятная степь. Трижды переходили вброд большие реки, брод искали недолго, а малым потеряли счет. Потом землю вздыбили холмы, а ровные как стол долины стали попадаться все реже. Лес отодвинулся, но взамен часто встречались густые рощи, похожие на отряды крепких бойцов, что спина к спине отбиваются от озверевшей стаи.

Еще через несколько дней земля пошла как будто пузырями, настолько много было холмов. Горбатая земля прикрывалась дубовыми рощами, жестким буком, грабами, колючими елочками, на вершине маячили сосенки, а внизу плотно стояли шиповник, терн, дикие колючие троянды.

Дорогу находили между холмами да ярами, вдоль оврагов и через проплешины голой земли, где почему-то ничто не росло, хотя рядом деревья и кусты озверело дрались за место, душили друг друга. Дорог, конечно, не было, но дозорные пока что успешно находили пути и для коней, и для стада, и даже для неторопливых подвод, влекомых волами.

И всякий раз Рус видел прямо перед собой ту грань, где смыкается небесный купол с земной твердью, и всякий раз мечтал добраться до края, заглянуть за него, увидеть место,

куда спускается багровое солнце: в черную ли нору, за край ли скалы или же в пропасть, где начинается потусторонний мир?

Но небо постепенно темнело, небосвод окрашивался багровым, солнце разбухало, роняя красные капли пота, от которого вспыхивал и край земли, к которому солнце стремилось, а позади уже слышалось предостерегающее:

– Рус!.. Очнись! Привал на ночь.

В голосе Чеха всегда больше сожаления, чем насмешки. От Леха мало помощи, весь в девках да драках, а от Руса так и вовсе нет толку. Приходится тянуть и за вождя, и за проводника, и за воеводу. А то и за волхва, ибо осторожный Гойтосир не в состоянии ответить, какие жертвы нужно приносить в этих землях и каким богам.

Глава 10

И все же, несмотря на пустые от людей земли, Чех велел идти с опаской. На десять-двадцать верст впереди всегда шла передовая сотня. На самых быстрых конях. От нее отделялись десятки – дозоры. От этих уже не ускользнет ни шелест листвы в соседнем лесу, ни колыхание травы, где пробежал мелкий зверек, ни птичья трель, которая может оказаться и сигналом из засады.

Позади племени ехала конная сотня – застава. Если нападут сзади, они примут удар, а тем временем и повозки развернутся, выстроят стену, из-за которой даже женщины и дети смогут метать камни из пращей, тыкать во врага копьями и дротиками.

Остаток лета шли по голой земле. Такой она казалась, несмотря на то, что порой приходилось пробираться через лесные завалы, высылать вперед плотников с острыми топорами: чашу иногда объехать не удавалось – ломились напролом.

И все равно пустая, хотя то и дело спугивали стаи диких свиней, оленей, на обширных полянах паслись стада туров, а на участках без дремучего леса, что выглядели почти как степь, темнели плотные стайки деревьев; но куда делись человечески кости, безмолвные черепа со следами топора или разбитые ударом палицы? Сколько их обычно белело в зеленой траве старых земель, сколько встречалось в расщелинах скал, в песках, в глине! Иные рассыпались в прах, иные были в целости и все еще дают приют мелким зверькам, гадам или птицам.

А сколько встречали развалин градов, крепостей, детинцев, кремлей, сколько чернело закопченных очагов, сколько видели окаменевших от дождей и солнца углей с пеплом! Но это было давно, а теперь неделю за неделей ехали через земли, где еще ни разу не повстречали след человеческого.

И у каждого на затылке шевелились волосы от страха и возбуждения. Мужчины хватались за оружие, распрямляли плечи и гордо поглядывали по сторонам. Вот она, мечта любого мужчины – новые земли!

Вечерами у костра Гойтосир заводил поучительные беседы о древности рода, великих деяниях предков. Чех слушал внимательно, уважительно, Рус позевывал, если и слышал что, то сразу забывал, а горячий Лех однажды не выдержал:

– Да на кой нам все это?.. Мы сами – великие предки!.. Если, конечно, выживем.

Усталый Чех вздрогнул, успел задремать, сказал сурово, скрывая смущение:

– Вообще-то не так важно, кем были наши деды. Куда важнее, кем будут наши внуки.

Слово старшего было весомым, как слиток небесного железа. Волхв умолк, но лицом и развернутыми плечами выражал несогласие. Спорить не стал, в походе важно единогласие даже в мелочах, но поход когда-то да кончится...

Чем дальше забирались к северу, тем холоднее становился воздух, хотя лето было еще в разгаре. Чаше встречались ручьи, мелкие реки. Четырежды речушки оказывались глубокими, приходилось искать мелкое. Переходили вброд, не замочив стремян и ступиц телег, но вода ухитрилась унести двух телят и зазевавшегося ребенка. Чех хмуро предупредил, что в следующий раз утопит виновных в той же реке.

Он теперь ехал по большей части сам впереди. При нем обычно держались двое-трое старших дружинников, теперь они звались боярами, Гойтосир трусил следом на тихой лошадке, а Лех и Рус чаще занимались обозом. Там постоянно случаются поломки, с оставшими остаются только кузнецы, плотники и шорники, но за их сохранность теперь отвечали Лех и Рус, пусть приучаются не только скакать очертя голову, рубить и бахвалиться подвигами, а бдят и о племени, подводах, берегут скот, людей.

Рус, в отличие от Леха, не ярился, улыбался загадочно. В обозе ехала Ис, и он каждую ночь нырял в ее объятия. Днем она садилась в седло, общалась с Корнилом, тот тоже вроде бы изгой даже в своем племени, старый волхв общался с нею охотно, а к ночи Ис умело стреноживала коня и пускала пастись, благо травы здесь щекотали лошажи брюха.

А Чех ехал впереди насупленный, синие глаза смотрели исподлобья сурово и недоверчиво. Рус поглядывал на старшего брата с любовью и боязливым почтением. Чех все знал и все умел...

Однажды ненадолго выбрался впереди обоза, насточертело глотать пыль из-под колес, неспешно догонял дозор, где маячили широкие плечи Чеха, и вдруг непроизвольно поднял голову, вздрогнул. Небо, уже совсем было застывшее на ночь, внезапно снова побагровело. Темно-сизая туча рассыпалась на мелкие барашки, теперь все западное небо стало морем расплавленного металла. По нему плавали шлак, темная окалина, а само солнце исчезло, вместо него от темной земли и через все багровое море поднимался огненный столб – красный, зримо плотный, раскаленный, пугающий.

Он ощутил, как мороз пробежал по спине. За спиной кто-то под стук копыт вскрикнул с испугом:

– Не к добру...

И тут же другие голоса:

– Да уж... недоброе знамение!..

– Гойтосир молчит. Старый ворон чует беду.

Рус торопливо догнал передних всадников. Белый благородный конь презрительно фыркнул, а Чех неспешно оглянулся, шея от усилий налилась кровью, прорычал мощно и насмешливо:

– Как не к добру? К добру.

– Княже, но волхвы говорят...

И снова Рус с благоговейным трепетом услышал снисходительный голос старшего брата:

– Видишь огненный столб?

– Вижу...

– А огненное море?

– Ну и море зрю...

– Так чего ж тебе, дурень, еще надо для счастья? Это ж и есть самая что ни на есть добрая примета!

Воин умолк, озадаченный, а Рус подумал смятенно, что Чех даже приметы знает лучше любого волхва. Он настоящий вождь, и великую дурость свершил тцар Пан, когда отдал от трона столь могучего сына.

Лес впереди стал злее, суровее. Деревья стояли так плотно, что даже всадники протискивались с трудом, а телеги пришлось пока оставить. Скрепя сердце Чех взял мужчин из отряда заграждения. Теперь уже почти все взрослые рубили лес, кусты, прокладывали дорогу.

Знойное лето, к счастью, подсушило землю. Даже в лесу колеса не увязали, а мелкие болотца успели пересохнуть. Измученный народ начал ворчать, топоры валились из ослабевших рук.

А на шестой день деревья внезапно расступились сами. Дозор выехал на такой простор, что дыхание остановилось у Руса, будто получил поленом под дых. Огромная, ровная как стол степь, ни бугорка, ни холмика, а все пространство накрывает сизый с окалиной купол! Нижняя часть уже раскалилась по всему краю, отсюда это кажется морем остывающей лавы, которую уже покрыла корка из спекшегося пепла и шлака, но в щели и разломы жидкий огонь плещется с медленной силой все так же угрюмо и страшно.

– Боги! – вскрикнул он невольно. – А я уже и забыл, как выглядит небо!

Лех беспокойно ерзал в седле, красный конь дергался, как пламя костра под ветром, застоявшиеся копыта просились в безудержную скачку по простору.

– Надо скорее сказать Чеху, – сказал он жадно, – пусть его душа успокоится.

– Он знает, – ответил Рус убежденно.

– Откуда?

– Он при мне одному пугливому дурню приметы толковал, – объяснил Рус. – Предсказал, что дальше лес кончится.

Оба оглянулись на темную стену деревьев, потом разом посмотрели на бесконечную степь. По ней уже пролегли красноватые сумерки. Жутковато без птичьего крика, зато неумолчно трещат певцы ночи: кобылки, коники, кузнечики, взлетают из-под конских ног, треща то красными крылышками, то синими, а то и вовсе оранжевыми или зелеными.

– Все равно, – сказал Лех, – он будет счастлив, что умеет толковать приметы лучше волхва! Скачи.

– А ты?

– Малость погляжу еще, – попросился Лех. – Я задыхаюсь в лесу.

Рус нахмурился, бросил ревниво:

– Будешь ждать здесь? На опушке?

– Клянусь!

– В степь ни шагу, – предупредил Рус. – А то брату скажу.

– Не завидуй, скачи. У тебя там черноволоска, а у меня... пока только степью потешусь.

Чех вздрогнул, услышав новость, и Рус понял, что старший брат больше всех жаждет выбраться из смертельной хватки леса. Усталые люди безропотно до ночи рубили просеку, а потом под мертвенным светом луны повозки всю ночь одна за другой выползали из тьмы.

Дозорные унеслись дальше в степь, там разожгли костры. Чтобы не толпились у выхода, Чех с братьями сам заставлял двигаться дальше, не мешать, дать дорогу отставшим. Короткая летняя ночь прошла без сна, везде полыхали костры. Кое-где земля гремела под мощными ударами сапог: мужчины, взявшись за плечи, плясали вокруг костров коло, одновременно при-топывая с такой силой, что котлы на треногах раскачивало как при землетрясениях, а варево со злобным шипением плескало на огонь.

От дальнего костра доносился мощный рев дюжины глоток. Баюн, сложив новую песню, наскоро обучал дозорных. Сам он пел все реже, но обожал, когда его песни орали другие. Рус заметил, что Чех с одобрением поглядывает на костры дозорных. Когда поют, то усталость куда и девается. Особенно важно для племени, чтобы пели те, кто едет впереди...

С утра воздух был острый и холодный, как лезвие ножа. На голубеющем небе странно проступала, будто выдвигаясь из небытия, луна. Почти полная, лишь правый краешек прячется в незримости, а левый блестит ярко, четко, различимы все пятна, ямки. Сердце Руса тревожно заняло от ощущения великой тайны и непостижимости ее понять. Луна похожа на медный таз, на круг свежего сыра, но это не таз и не сыр, однако трудно поверить и волхвам, что это сестра солнца, которая то ли влюбилась в него и потому чахнет, то ли наоборот – сбежала от брата, потому появляется только ночью...

Ежась от холода, подошел взъерошенный Корнило. Зябко вздрагивал, плотно обхватил себя за плечи. Сказал предостерегающе дряблым, старческим голосом:

– Что-то слишком засматриваешься на небо. Доброе утро, юный и ярый.

– Утро доброе. Как спалось?

– Плохо. Думал о земных делах, хоть и волхв.

Рус смолчал, Корниле приходится думать о земных, потому что волхвованием не дает заниматься ревнивый Гойтосир.

– Что, некого в жертву приносить?

Корнило отмахнулся:

– Это всегда найдется. Ночи становятся длиннее! Воздух к утру совсем остывает. Ты не чуешь, кровь горячая, а мои кости уже стынут. Скоро останавливаться надо.

– Скоро ли?

– На новом месте надо осмотреться, избы срубить... или хотя бы землянки вырыть. Мы вторглись далеко на север! Кто знает, какие здесь зимы?

Еще двое суток ожидали отставших. Недосчитались всего трех повозок. Чех повеселел, потери крохотные. На третье утро медленно и неспешно тронулись дальше, теперь все больше дружинников Чех перебрасывал из отряда прикрытия в головной дозор.

Земля пошла суше, злее. Трава стояла высокая, но колеса звонко гремели по камням, ломались чаще. На привалах и по ночам у костров все чаще стучали молотки. Чинили повозки, в походных кузнях постоянно полыхали угли, дюжие мужчины перековывали коней.

Лес тянулся слева почти на виднокрае. Люди поглядывали на него с опаской, замечали, как начинает приближаться, потом снова отодвигается, словно играет, снова медленно и неотвратно надвигается темной стеной. Деревья стояли угрюмые, словно вынырнувшие из ночи. Под ногами земля иногда начинала незаметно глазу подниматься, а через сутки-другие дозорные обнаруживали, что едут по возвышенности, а справа или слева внизу тянется долина – такая же темная, ошетиенная верхушками деревьев, что стоят так плотно, что спрыгни – останешься бегать по веткам, как белка, до земли не продерешься.

Чех беспокойно оглядывался. Рус видел, как зоркие глаза брата все чаще посматривают по сторонам. Внезапно его брови взлетели вверх. Рус проследил за его взглядом, и у самого дух перехватило от восторга.

Из-за поворота открылся вид на гигантское дерево, каких еще не видывал свет. Оно вздымалось над вершинами деревьев, как дуб над кустарником. Нижние ветки начинались там, куда едва достигали их вершинки. И если ветви других деревьев шевелились, то это стояло недвижимо, будто высеченное из камня.

Чех оглянулся, простер длань:

– Ехать в том же направлении!.. Лех, возглавь.

– А ты?

– Посмотрю ближе, – пророкотал Чех.

Лех вздохнул, хотя глаза блестели гордостью. Выпрямился, звонким и чистым голосом позвал дозорных. Застучали копыта, взметнулся ворох перепрелых листьев. Они умчались, беглецов поведет Лех, и пусть видят, что все три брата – могучие исполины, умеющие не только побеждать в бою, но и заботиться о племени.

Чех буркнул:

– Рус, Гойтосир и ты, Буська... со мной. Остальным следовать с отрядом.

Не спрашивая, они втроем последовали за вождем, которого все чаще называли князем.

Оставив коней у подножия горы, они долго карабкались по круче. Из щелей торчали корни деревьев, это помогало взбираться. Исполинское дерево, что стояло на самой вершине, вырастало на глазах, превращалось в нечто чудовищное, даже не дерево, а что-то невообразимое, уцелевшее с тех времен, когда еще боги ходили по земле.

Первым на кручу взобрался Буська. Когда братья вскарабкались, мальчишка уже щупал детскими ладошками кору, дивился чудовищным чешуйкам, исполинским трещинам в коре, которые уже погубили бы любое другое дерево.

– Как на такое и лезть... – пробурчал он, в тонком голосе был страх.

Чех, не переводя дыхания, схватил его и подбросил вверх:

– Вот так!

Буська ухватился за нижнюю ветку, подтянулся, мелькнули босые пятки. По ветке перебрался к стволу, там полез, втискивая голые ступни в щели, цепляясь за выступы, наросты, наплывы, а потом пошли ветви, и он вскоре скрылся из виду.

– Тцар-Дерево, – сказал Чех почтительно. – Я даже не думал, что на свете могут быть такие!

– На том свете, откуда мы пришли, – возразил Гойтосир. – А здесь, может быть, золотые клады Змеи стерегут под каждым кустом!

Они ждали долго. Наконец с высоты донесся едва слышный голосок, полный восторга:

– Там долина раздваивается!.. Нет, даже растраивается!.. А конца не видно!..

Братья переглянулись. Рус увидел в глазах Чеха то же выражение, что и в глазах Гойтосира. А по их лицам видел, что его глаза вспыхнули такой же надеждой.

– Я полез, – сказал Чех торопливо. – Надо проверить.

Рус едва успел подхватить его топор, мешок, колчан и лук, а Чех, подпрыгнув с медвежьим проворством, ухватился за сук, подтянул свое могучее тело, как исполинская белка, взобрался выше, с тяжелым сопением почти побежал вверх по дереву, часто скрываясь за ветками. Рус и Гойтосир следили затаив дыхание. Сверху сыпались чешуйки коры, постепенно шелест в ветвях отдалился настолько, что там все затихло.

– Эх, – сказал Гойтосир внезапно, – когда еще спустится!

Он с силой вонзил топор в ствол, встал на него ногами, дотянулся до ближайшей ветки. Тяжелый, немолодой, он карабкался медленно, отдувался, но не останавливался, лез и лез, пока не скрылся из виду. Рус изумленно покачал головой. Правда, он сам хотел вскарабкаться вслед за братом, но чтобы медлительный волхв опередил?

Глава 11

Чех и Гойтосир слезли, когда верстах в пяти впереди уже горели костры. Солнце опускалось за вершины деревьев, люди спешили успеть нарубить сушины, отремонтировать повозки. Расседланные кони жадно хватали сочную траву. Быков распрягли и увели на водопой, близость ручья чувствовалась в воздухе.

Рус брел за вожжами обиженный. Чех, когда слез, лишь отмахнулся. Расскажет всем сразу, мужчины не повторяются.

Лех сидел у крайнего костра, насаживал на вертел зайца. Вскочил, завидев братьев.

– Ну что? – спросил он жадно.

Чех скупо усмехнулся. Лех даже сгорбился, готов принять новый удар, готов услышать, что дальше лес встал сплошной стеной, через буреломы не пройти, а справа и слева бездонные болота... Рус сочувствующе сопел. Понимал: средний брат боится показать свои полные ожидания глаза. Страшится, что надежда угаснет так же внезапно, как и разрослась.

К их костру начали собираться люди. Чех обвел всех орлиным взором, прокашлялся, давая возможность подойти еще и еще, и лишь тогда сказал, как и надлежит старшему брату, а также мудрому вождю, мягко и отечески:

– Лех... Боги помогают тем, кто не сдается. С вершины дерева открылся вид... наверное, до конца света. И та полоска, которой мы пробираемся последнюю неделю, расширилась до необъятной долины. Зеленой, полной сочной травы, где бегут ручьи и видна небольшая речка. Но и это не все!

Лех слушал затаив дыхание. Рус слушал с той же жадностью, словно и не видел сам ту же долину. Чех перевел дыхание, голос стал мечтательным:

– Воздух чист, и мы видели, как долина уходит тремя клиньями в сторону восхода солнца. Между ними лес, небольшие горы. Но таких широких долин мы никогда не видели. В каждой из них поместится не только наше племя, но дети их детей... и так еще много-много колен.

Впервые они снялись неторопливо, без страха, что вот-вот сзади покажется войско, посланное Коломырдой. Коня жирели на глазах, хотя груза не убавилось. Люди ликующе срывали траву, мяли в ладонях, из стеблей обильно брызгал пахнущий сок. Буська счастливо уверял, что такую траву можно есть самому, и в доказательство ел целыми пучками.

Коня то и дело шарахались, когда прямо из-под копыт вылетали, шумно хлопая крыльями, крупные птицы. Их было видимо-невидимо, все жирные, раздобревшие, толстые. И настолько неповоротливые, что дети наловчились сшибать их палками и камнями раньше, чем те успевали подняться в воздух.

Чех посмотрел налево, посмотрел направо: синеющие вдалеке горы отодвинулись настолько, что уже и не отличишь: то ли вершинки, то ли далекие облачка.

– Сказочная страна, – сказал он с чувством. – Боги охраняют нас, если вывели в такие земли!

– Здесь никогда не было человека, – добавил Лех радостно. – Я разослал охотников в разные стороны. Никто не нашел ни следов, ни костей людских! Хотя бы руины какие. Или камни отесанные. Ни-че-го.

– Только звери, – подтвердил Рус.

– И птицы.

Чех подумал, брови сдвинулись на переносице.

– Эту землю никто не топтал ногами. Она еще не имеет названия. Так назовем же ее в память о нашем отце, которого мы любим, несмотря ни на что, – страной Пана, Паннонией!

Лех и Рус переглянулись. Чех сказал то, что они и сами бы сказали... чуть погодя. Просто у них поступки всегда опережали слова, а старший брат на то и старший, что сперва подумает, еще раз подумает, а лишь потом скажет.

– Паннония, – повторил Лех задумчиво. – Когда велишь остановиться?

Чех оглянулся на медленно бредущих людей, едва-едва ползущие повозки. Слышался смех, веселые вопли. Дети уже не сидели без сил на подводах, а бегали наперегонки. Один ухитрился нацепить на острогу огромную рыбину, за ним гонялись с визгом и хохотом.

– Ожили, – сказал он с великим облегчением. – Ожили... Когда? Наступает осень, а к зиме надо успеть хотя бы накопать землянок. Еще лучше – срубить хоть какие-то дома.

Лех кивнул. Срубить дом можно за день-другой, а на все племя – за неделю. Нужно только, чтобы лес был под рукой. А здесь среди степи попадаются лишь крохотные гаи.

– Когда дашь знак?

Чех покачал головой:

– Нужно идти до первых заморозков. А вы двое садитесь на коней, дуйте вперед. Там развилка... долина расходится тремя клиньями. Пусть один проедет по одному рукаву, другой по другому...

Лех сказал живо:

– Еще кого-нибудь возьмем? Там три рукава, ты сам говорил.

– Пожалуй...

– Ерша, – предложил Лех. – Или Бугая, а то засиделся. Можно Твердую Руку.

Чех подумал, покачал головой. К удивлению братьев, сказал неспешно:

– Третьим пусть едет Сова.

Лех поморщился:

– Раб из каменоломни?

Рус ошетинился, а Чех сказал обыденно:

– Вы все сейчас – изгой. А он – неплохой воевода. Я как-то говорил с ним, человека сразу видно.

Лех обиделся:

– Будто среди наших мало славных воевод! Одного Бугая взять...

– И Бугай хорош, – согласился Чех, – но Сова из кожи лезет, чтобы увидели его полезность. Не знаю, что замыслил, но уж очень старается.

Раздался дробный топот копыт. Подскакали смущенные дозорные. Чех весело скалил зубы. Дозор увидел то, что он еще вчера узрел с верхушки дерева. В зеленую долину словно бы врезались два острых клина, рассекая ее на три рукава. И настолько одинаковых, что никто не знал, по какому из них идти.

– Привал, – велел он. – Ну и что, если еще полдень? Зажигай костры! Гойтосир, где ты? Подумай, не приходится ли на сегодня какой-нибудь праздник?

Ночью Русу казалось, что костров в степи полыхает столько, сколько звезд на небе. Ис вместе с ним бродила от костра к костру, слушала песни, с изумлением смотрела на зажига-тельные пляски. Мужчины плясали до упаду, а женщины и дети только смотрели с телег. Здесь был мир мужчин, и хотя никто не запрещал женщинам ездить верхом или охотиться хотя бы на зайцев, те лишь гордо указывали на мужчин. Это их дело. Если же на коня сядет женщина, то это укор мужчине, который не сумел обеспечить, накормить, привезти...

– И ты так считаешь? – шепнула она ему тихонько.

Он признался:

– Сперва – да. Потом решил, что ты ведь из другого племени. Ты не обязана следовать нашим обычаям. Если, конечно, не будешь нарушать главные.

– Главные?

– Да. Не посмеешь, к примеру, предать племя, укрыть предателя или помочь ему. Не смеешь даже предать земле тело изменника или сочувствующего врагу! Мы тела таких людей оставляем зверью и воронам на потребу...

Она зябко передернула плечами:

– Пронеси и сохрани! Мне можно сопровождать тебя в дозоре? А то уже скучно ездить только внутри обоза. Другие женщины со мной не знают. Догадываюсь, это из-за того, что я в седле.

– В дозор все-таки нельзя, – сказал он, обнял, прижал к груди. – В дозор даже не всяких мужчин посылают. Только самых-самых!

Она счастливо засмеялась:

– То-то вы с Лехом всегда впереди.

Едва порозовел восток, Лех и Рус вскочили на коней. Сова уже ждал в седле, собранный для долгой скачки. Конь под ним был поджарый, с сухим мускулистым торсом. Рус сразу оценил его как редкостного скакуна, хотя с виду конь не выглядел таким же могучим гигантом, как красный жеребец Леха или черный – Руса.

– Долго спите, – заметил Сова с прохладцей.

– Долго? – оскорбился Лех. – Да еще ночь!

– Мужчин рассвет застигает в пути.

– О боги... Еще один Гойтосир с его занудством!

Кони перемахнули тлеющие угли сторожевых костров, пошли бодрой рысью, постепенно разогреваясь. Сова сразу приотстал чуть, давая братьям мчаться бок о бок, касаясь стремян друг друга.

Темная стена леса приближалась, уже было видно два вытянутых далеко вперед клина. Деревья стояли тесно, выдерживая натиск степи, исполинских стад туров, ураганных ветров, палящего зноя. Под их кровом зеленел цепкий кустарник, на коне въехать, как сразу определил Рус, просто невозможно. К тому же острые глаза братьев заметили мертвые деревья, зависшие на ветвях живых: тронь – рухнет, костей не соберешь, а внизу наверняка валежины с торчащими вверх и в стороны острыми сучьями.

Лех повертел головой, сравнивал:

– Смотри, как будто Скиф прорубил огненным мечом!

Рус всмотрелся, сказал неуверенно:

– Похожи на высохшие русла рек...

– Три реки?

– Три рукава одной реки. Только дно должно быть из песка... или хотя бы камня. А я такой травы в жисть не видел!

Сочные стебли хрустели под копытами. Кони до самого брюха взмокли от густого сока. Из-под ног нехотя выпрыгивали зайцы, а птицы пятились совсем медленно, угрожая щелкая клювами.

– Благодатная земля, – сказал Лех благоговейно. Потом добавил очень серьезно: – Но кто скажет, как здесь зимой? Мы забрались на север, как никто и никогда! Может быть, тут зимой все гибнет, а земля репается от мороза.

Рус поежился, сделал жест, отгоняющий недобрую силу и прочую нечисть.

– Но звери как-то живут?

– А может, замерзают, как жабы во льду, а потом оттаивают?

Рус обвел долгим взором долину:

– Ну... пусть и мы будем. Как жабы. Зато весной как здорово!

Кони шли все медленнее, потряхивали гривами, срывали на ходу верхушки сочных трав. Наконец остановились вовсе. Дальше вздымалась до синего неба, перегораживая мир, стена черного леса. Узкие клинья были уже в десятке шагов. На острие каждого клина росло по оди-

наковому дубу – могучему, широкому, с растопыренными ветвями, такие встречаются лишь на просторе, а ветвями укрывают молодняк. За их спинами в самом деле теснились дубки помоложе, хоть и не шибко юные. А дальше виднелись такие же могучие деревья, стоят плотно, не давая ворваться ни сухому ветру, ни злому морозу.

Рус в затруднении глядел в проходы. Все три одинаковы, как угадать, какой окажется тупиком, какой выведет к реке, а какой заведет в болото?

– Давай разделимся, – предложил он. – Ты иди по правой, я – по левой. Сова пусть съездит по средней.

Лех подумал, сказал великодушно:

– Лучше ты едь по правой.

– Лех...

– Ладно-ладно. Я скорее отобьюсь!

Рус растроганно обнял брата, Лех с неудовольствием высвободился, вытер щеку:

– Фу, как девку... Поехали! Сова, скачи до полудня. Если и дальше все такое же, возвращайся все равно. Чех будет беспокоиться.

Он прищипорил своего красного коня, унесся – прямой, с развевающимися за спиной оранжевыми, как спелая пшеница, волосами. Длинный меч в широких ножнах как приклеился к спине, только черная рукоять ныряет, будто в волнах, среди золота волос.

Сова молча улыбнулся, поднял руку в прощании. Конь пошел под ним ровной, уверенной иноходью. Бывший воевода слегка горбился, но это была поза хищного зверя – отдыхающего, но готового к прыжку. Он уже чувствовал, что долго на побегушках у братьев не останется.

Рус проводил обоих любящим взором, вздохнул и повернул коня. Лех послал по правой, ибо все злое и недоброе находится слева. А Лех быстрее хватается за меч, конь под ним злее и скачет как гигантский олень, сам Лех выходил без единой царапины из таких схваток, где и бывалые воины не сумели бы спасти жизни. Как хорошо, когда есть братья! Братья, что берегут друг друга.

Слева скачками двигалась стена одинаковых гигантских деревьев, справа на расстоянии полета стрелы – другая, а он мчался по зеленой просеке, ровной и заполненной сочной травой.

Деревья стояли как в строю, одинаково рослые, ни одно не выдвинулось ни на полшага. Его всегда удивляло, что лес начинается так внезапно. Тянется Степь, тянется, ни кустика, а потом вдруг разом дорогу перегораживает стена деревьев-исполинов. То ли сами хранят лесную клятву, то ли неосторожных стаптывают козы и олени, но лес всякий раз начинается одинаково. Редко край леса опушивал кустарник, его так и звали – опушка, но чаще даже кусты прятались за могучие спины деревьев-щитов.

Он не заметил, когда просека расширилась, почти до полудня скакал и скакал, а от одной стены леса до другой было не меньше двух полетов стрелы.

Несколько раз пытался остановиться, но что-то заставляло гнать коня дальше и дальше. Солнце уже зависло в зените, а он в злом нетерпении вглядывался в даль. Ну хотя бы что-нибудь! Боги, подайте знак! Что-нибудь помимо выскакивающих зайцев, жирных птиц, кроме белеющих в траве костей задранных волками оленей...

Он в самом деле взял повод и собирался остановить коня. На этот раз остановит и повернется... И тут лесные стены начали раздвигаться. Лесная просека стала шире. И дальше, похоже, она расширялась еще больше.

– Победа, – прошептал он с великим облегчением. – Боги, это и есть знак, какой я ждал!

Солнце зависло над обрием, когда он на взмыленном коне выехал на место встречи. Сердце дрогнуло, затем в груди стало холодно, как в могиле. При его приближении вспорхнула стая птиц, но сколько ни кружил, ни всматривался в примятую траву, но отыскать удалось следы Леха и Совы только в одну сторону.

– Боги, – взмолился он отчаянно. – Не дайте им погибнуть! О Лех! Почему не я поехал по левой просеке! Это было уготовано мне... Что бы ты ни встретил, это ждало меня, только меня...

Руки в бессилии упали. Он чувствовал, как в усталое тело вливается новая мертвящая тяжесть, словно весь пропитался свинцом из преисподней. Даже дышать стало трудно, а горло жала незримая рука врага.

– Я никуда отсюда не уйду! – закричал он яростно. – Слышите, боги? Я не уйду! Вдруг им еще понадобится моя помощь? А Чех завтра все равно будет здесь. С дозором, с дружиной!

Он слез с седла, ослабил подпруги и пустил коня по траве – отдохнет и малость подкормится. Бесцельно щупал палицу, кусал губы, и вдруг настороженные уши уловили едва слышимый перестук копыт.

В мгновение ока оказался в седле, подпруги уже затянуты, палица в руке, копыта уже не стучат, а гремят, и он боялся поверить, потому что узнал знакомый топот, а немного погодя из-за темного клина деревьев вынырнул всадник на красном, как закат, как пролитая кровь, коне.

– Лех!!!

Он заорал, кинулся, обнял с такой страстью, что сперва едва не сшиб, а потом едва не задавил. Лех, слегка побледневший, вяло отбивался:

– Ну чего ты так? Как ребенок, право.

– Лех, ты цел...

– Цел, – буркнул Лех, он кое-как отпихнулся от Руса. – А что могло случиться? Земли-то пустые! С той поры как Род сотворил эти земли, нога человека не ступала.

– Ну, – сказал Рус счастливо, – могли неведомые звери... Няня рассказывала о грифонах, что как раз в этих землях живут и плодятся! За тридевять земель – это же здесь? Еще муравьи тут ростом каждый с телят, что золото из-под земли выносят. Самородки с кулак, право!.. А то и чужие боги могли осерчать.

Лех похлопал брата по плечу:

– Разве что приняли бы меня за тебя. Я у них ничего не крал. А где Сова?

Рус оглянулся:

– Теперь верю, что и Сова отыщется. Но почему так долго, что стряслось?

– Понимаешь, – сказал Лех со смешком, – я мчался, мчался, мчался... А трава тянется везде одинаковая, сосняк сменяется ельником, березняком, затем снова лиственницы, дубы, да все такие ровные, что глазу зацепиться не за что. Уже и солнце перевалило за середину, а мне как-то вернуться нелепо... Надо, понимаю, а не могу.

– Ну и?.. – спросил Рус со стесненным сердцем.

– А потом, согласишься, просека начала медленно расширяться. Я доехал до холма, посмотрел с вершинки... Поверишь ли, дальше вообще долина без всякого леса! А лес отступил, от одной стены до другой не меньше пяти выстрелов из хорошего лука. А как съездил ты?

– Лех, – ответил Рус упавшим голосом, – не нравится мне такое внезапное счастье.

Вдвоем возвращались к стану, когда на небе выпали звезды, а костры уже разгоняли поздние сумерки. Вартовые выехали навстречу, собранные и настороженные. Передний сразу крикнул предостерегающе:

– Лех, Рус!.. А кто это скачет там, вдали?

Они остановили коней. В тишине слышался стук копыт. В лунном свете поблескивали искры на блестящем металле. Всадник гнал коня ровным, неторопливым галопом. Когда лунный свет упал на лицо, Рус узнал Сову:

– Ура!.. Отыскался!

Сова выглядел усталым, но голос звучал весело:

– Вы даже не представляете, что я отыскал!

Навстречу с оружием в руках вышли мужчины. Суровые, темные в ночи, они окружили всех троих, молчали. Тут же раздался мощный возглас, и к братьям протолкался Чех. От него пахло потом и почему-то кровью. Он сразу вскрикнул встревоженно:

– Людские следы?

Сове подали бурдюк с холодной водой. Он напился, проливая струйки на грудь. Чех свирепо прожигал его взглядом, вожак каторжников слишком уж выказывает непочтение; наконец Сова отлепился от бурдюка, шумно перевел дух, вытер рот рукавом:

– Откуда люди в забытой богами земле?

Люди окружили, посыпались вопросы:

– Песиголовцы?

– Великаны?

– Лешаки?

– А Змеи есть? Змеев видели?

Сова отмахнулся:

– Сами вы... Удивительнее. И желаннее. Бескрайняя... нет, края есть, зато бесконечная равнина с сочной травой и ручьями, какими ручьями... А в тех ручьях воды не видно, столько рыбы.

Чех шумно перевел дух. Повернулся к братьям, нахмурился:

– А что стряслось у вас? Какие беды?

Рус развел руками, а Лех ответил сильным звонким голосом:

– Какие беды, ежели с нами мечи?

– У Руса палица, – напомнил Чех сварливо.

– Зато какая! Брат, наши рассказы до тошноты одинаковы. У нас все то же. Боги как сговорились. Все три просеки прорубили что вширь, что в длину... Правда, до конца мы не дошли, но и так едва коней не загнали! Теперь нам только следы упрятать. Ежели погоня, то чтоб не поняли, какую дорогу мы избрали.

Чех зыркнул из-под нависших бровей на одного, другого, сопел в раздумье. Вокруг все ждали затаив дыхание. Наконец Чех громыхнул:

– Отдыхайте. Утро вечера мудренее.

Глава 12

Сквозь тонкие стены шатра Чеха всю ночь желтело мутное пятно светильника. Изредка мелькала гигантская тень, хищно хватала жбан с квасом, снова исчезала. Появлялись другие тени, в одной Рус опознал сутулую фигуру Гойтосира. Тени смыкались огромными головами, превращались в неведомое чудище, что душными ночами является во сне и садится на грудь.

Тонкие руки Ис обняли его за плечи. Она, как щенок, шумно посопела над ухом, ее острые зубы хищно прихватили за мочку, куснули:

– Что гнетет тебя, потомок богов?

Голос был игривым, но Рус слышал в нем любовь и затаенную тревогу.

– Да нет, – ответил он как можно ровнее, – все хорошо. Мы нашли дорогу дальше. И уже не придется продираться сквозь лесные завалы.

– И все?

– Да...

Она прижалась к нему сзади, тонкие пальцы сплелись в замок, сжали. Он слышал, как она задержала дыхание, стараясь сдвинуть как можно сильнее.

– Ой, – сказал он, – пощади... Ты сильна, как бык.

– Ах, ты назвал меня быком?

– Ты мой небесный бычок. Я люблю тебя, Ис...

Она сказала внезапно очень серьезным голосом:

– Рус, что тебя пожирает как лесной пожар изнутри? Скажи. Мужчине трудно признаться другому мужчине, вы все соперники друг другу, но не мне...

Его голос упал до шепота:

– Я впервые страшусь утра.

В обозе везли три разобранных шатра: Чеха, Леха и Руса, как царских детей великого рода, что корнями уходят к богу богов, самому Роду. В начале Исхода ставили только один, Чеху, где на совет собирались старшие из беглецов, а теперь и Рус разбивал для себя, чтобы мог без подсказок и глубокомысленных советов со стороны без меры развеселившихся дружинников ложиться с черноволосой добычей. Лех про свой шатер забыл, ложился у костра, но разнежился настолько, что клал под голову седло, а ноги укрывал конской попоной.

В эту ночь Рус держал полог открытым, чтобы видно было шатер старшего брата. Там за тонкой стенкой появлялись новые тени, исчезали. Фигура Чеха иногда заслоняла светильник, огромная и растопыренная, и Руса охватывал страх. Пальцы сжимали обереги, он шептал непослушными губами заклятие от Чернобога.

Ис не спала, он слышал по ее дыханию. Притворяется, не хочет привлекать внимание. Ее пальцы робко держали его за плечо, готовые в любой миг отдернуться.

Он старался дышать ровно, чтобы она поверила, что он спит, и заснула тоже, но недоброе предчувствие с такой силой давило на грудь, что с трудом раздвигал грудную клетку, впуская воздух к измученному сердцу. Словно наковальню взгромоздили ему на грудь, а та становится все массивнее, тяжелее...

Все-таки забылся под утро, потому что внезапно увидел светлые стены шатра, полог был задернут. По ту сторону тонкой ткани перекликались мужские голоса, вдали хрипло протрубил охотничий рог.

В шатре чувствовался сладковатый запах. Он взглянул в усталое лицо Ис, понял: не спала, бедняжка. Окуривала травами, отгоняла злых духов, молила своих богов отвести от него беду. Он сердился, когда она пыталась говорить о своих богах, и теперь она призывает их помочь ему тайком...

– Ис, – сказал он, морщась, – мужчина должен выстаивать сам! Никакие твои боги...

– У нас один бог, – сказала она, защищаясь.

– Тем более! Что может один, если десяток против? А мужчина должен стоять и против сотни богов. Так нас учил отец.

– Но выстоит ли, – ответила она печально.

– Не это главное! Он должен стоять красиво. И умереть, если понадобится, красиво.

Она прошептала:

– А наш бог учит выжить... любой ценой.

Она подала ему перевязь. Он надел через голову, поцеловал ее крепко в губы, и полог резко отдернулся под его пальцами. Мир был еще сер, только восток полыхал алым, как нежный цвет молодого мака. Как румянец на щеках Ис, подумал Рус. В груди потеплело, он с удивлением ощутил, как исполинская наковальня уменьшилась до размеров простых клещей кузнеца.

Костры горели мощно, искры с треском выстреливались в серое небо. Деревьев много, и выбирают только сухие березы, чтобы горело долго и жарко, люди спали возле костров на земле охотнее, чем в телегах. Кое-где уже варили в котлах, на ближайшем костре жарили на вертеле дикого кабанчика. Буська помахал Русу, облизался и показал на тушу. Жир капал на багровые угли, с шипением взлетали короткие злые дымки.

От одного из костров поднялся взъерошенный Лех. Голый до пояса, красивый, хоть и заспанный, широко зевал, чесал под мышками, вздрагивал от утренней свежести, и могучие мышцы радостно вздувались, перекачивались, стараясь проглотить одна другую, но делались только толще.

Рус видел, как посерьезнело лицо среднего брата, когда оглянулся на шатер Чеха. Две молодые девки, хихикая и толкая друг друга, принесли медный таз с водой. Лех быстро умылся, воду расплескивал, как большая перепуганная рыба. Девки преувеличенно старательно вытерли спину, норовя щипнуть за тугое мясо, юный отрок с серьезными глазами принес и подал обеими руками меч в расписных ножнах.

– Как спалось, Рус?

Голос Леха был хриплый, с трещиной. Совсем не тот чистый, звонкий голос, которым всегда приветствовал утреннюю зарю. А синие глаза потемнели.

– Как и тебе, – буркнул Рус.

– Ну, с чего ты взял...

– В воду погляди, – посоветовал Рус.

Лех послушно поглядел, раздраженно ударил ладонью. Рус отшатнулся от брызг:

– Неча на воду пенять, коли рожа крива.

– И тебе неспокойно?

– Как и тебе, – повторил Рус. Он вздохнул. – Ничего не сказано, но прямо в воздухе висит как проклятие!

От костра кричали, показывали жареное мясо. Сова умело нарезал кабана, Русу и Леху сунул по задней ляжке. Ели быстро и жадно, обжигались. Мясо не прожарилось, сверху хрустела корочка, а у костей осталась кровь, и сладко было чують ее, свежую, солоноватую, мощь дикого лесного зверя вместе с соком и мясом перетекала в их сильные, молодые тела.

Полог шатра Чеха отодвинулся. Гойтосир стоял на выходе, придерживая полог одной рукой, его не старческие глаза зорко оглядывали стан, горящие костры, проснувшихся людей. Что-то крикнул, помахал рукой. Рус оглянулся, Гойтосир помахал снова:

– Да-да, ты и Лех! Чех ждет к нему на совет.

Руки Руса похолодели, он опустил недогрызенную кость. Лех изменился в лице. Их взгляды встретились. Сова и Буська смотрели непонимающе. В мертвом молчании Лех прошептал:

– Догадываешься?

– Да, – ответил Рус несчастным голосом. – Возможно, так будет в самом деле лучше... и правильно, но как мне этого не хочется!

В шатре Чеха, кроме него и Гойтосира, собрались оба младших волхва: Корнило и Травецвет, воеводы, лекари, явилась даже Векша. Сам Чех склонился над тонко выделанной телячьей шкурой, рукой волхва уже были нанесены края долины. Увидев входящих братьев, разогнулся. Вид его был невеселый, глаза блестели сумрачно.

– Больше не будем спорить, – громыхнул он мощно, – какой дорогой идти! Небесные знамения сами указали нам путь.

Он подождал, ожидая возражений, но братья убито молчали. Наконец Рус пролепетал жалобно:

– Чех... Ты нам вместо отца. Разве ж мы спорим? Куда поведешь, туда и пойдем.

В глубине шатра Гойтосир хмыкнул, острое посоха с глухим стуком пробило медвежью шкуру и вонзилось в плотно утопанную землю. Лех молчал, но глаза были умоляющими. Чех, сердясь на себя, молчал, но хватило не надолго, подошел, обнялся с братьями. Все в почтительной тишине смотрели, как три богатыря слились в крепком объятии, не разлить водой, не разорвать, разве что с кровью, с мясом. Затем Чех вздохнул, высвободился:

– Вы что, не зрите? Боги сами подсказывают путь. Нет, не путь, а решение.

Лех снова смолчал, а Рус вскрикнул с обидой:

– Чех! Это злые боги нашептывают. Что доброго в разлуке?

Чех задержал широкую ладонь на горячем плече младшего брата. Синие глаза Руса смотрели неотрывно, умоляюще. Чех выговорил с тяжелым вздохом:

– Ты возмужал, брат... Да, хочется оставаться в детстве как можно дольше. За широкой спиной отца мы и сейчас, может быть, еще бы в песочке играли. Но мужчины умеют взрослеть за одну ночь... У нас же было целое лето!

Рус сказал несчастливо:

– Не знаю, как Лех, но я не чувствую себя таким уж взрослым мужем. Не бросай меня, Чех!

Все отводили глаза. Рус чувствовал, что им неловко за него. Чех проговорил с мукой:

– Я ж не в воду вас... как бросил нас отец, помните, когда учил плавать! Разве не видно, чего хотят от нас боги? Три дороги легли от этой исполинской поляны богов. А нас трое братьев. Есть ли яснее знаки? Расставаться надо сейчас, пока мы в любви и согласии. Нельзя задерживаться до времен, когда начнется недовольство, свары, распри...

Гойтосир снова стукнул посохом. Бугай кашлянул, завозился. Рус сказал упавшим голосом:

– Воля твоя, брат. По мне бы – всю жизнь под твоей рукой ходил.

Оглянулись на Леха. Тот блеснул белыми как снег зубами:

– Ежели и хочется порой самому... но я ж понимаю, что ты – лучший князь! Ты единственный из нас, кто живет головой. Я – больше сердцем, а Рус так и вовсе... мечтами, грезами.

Улыбка Чеха была грустной и загадочной:

– Иной раз сердце подскажет ответ точнее. А без мечты жить... так лучше вовсе не жить! Дорогие мои, я повелеваю сейчас волхвам принести жертвы нашим богам. И спросить о нашей судьбе.

Гулко и зловеще рокотали барабаны. Пятеро встали с трембитами, хриплый недобрый вой разнесся над долиной, вломился в стену леса, вытряхнул птиц из гнезд, белок и куниц из дупла, лишь барсуки забрались в норы поглубже. Холодок пробежал по рукам Руса, кожа пошла пупырышками, а волосы встали дыбом.

Из шатра Чеха выходили друг за другом волхвы. Лица выглядели осунувшимися, глаза покраснели, словно всю ночь спорили, искали правду. Сейчас легко бы обвинить Чеха, подумал Рус невесело, что взял в свои руки гадание, теперь, мол, подстроит в свою пользу. Но кто поверит, знают Чеха, да и у самого язык не повернется сказать такое. Чех за отца ему и Леху. Скорее себя ущемит, чем у них что-то отнимет!

Мужчины разбрелись по траве, выискивали и собирали большие камни. Два десятка было таких, что пришлось впрягать коней. А для жертвенного камня, настоящей каменной плиты, пришлось запрягать двух могучих быков.

Корнило и второй волхв, Травоцвет, старательно вертели сухой кол в деревянной колоде, пока не пошел сизый дымок, а затем не полыхнул оранжевый огонь. Чистый огонь добывали из дерева в особых случаях, толпа притихла. Даже дети молчали и следили за волхвами не детски серьезными глазами.

Траву утоптали на расстоянии полета стрелы от капища. Теперь, когда валуны выложили по кругу, а в середине уже темнела массивная каменная плита, место стало настоящим капищем. Гойтосир повел бровью, помощники приволокли широкую колоду, оставили подле священного огня.

Рус чувствовал, как по спине бегут злые мурашки. Ноги вздрагивали. Он пытался подавить озноб, но теперь вздрагивали уже и руки. Рядом средний брат стоит бледный, челюсти стиснуты, словно удерживает дрожь.

– Лех...

– Тихо, – прошипел Лех. – Теперь уже не остановить.

– Боги еще не сказали...

– Что боги! Чех сказал.

Чех растолкал народ, могучий как бык, на ходу вытащил свой чудовищный топор. Хмурясь, остановился перед колодой, глаза метнули синюю молнию. Без размаха всадил топор в колоду, отступил. Лех выдернул меч из ножен и, ухватив за рукоять обеими руками, со стуком вонзил рядом. Рукоять топора смотрела в небо уверенно и с осознанием своей мощи. Рядом гордо и вызывающе блистал отточенный меч. По блестящему лезвию пробежали загадочные синеватые искорки, фигурки, волшебные письмена. Несмотря на жаркое солнце, от блистающего железа пахнуло холодом, будто из свежей могилы.

Рус, замешкавшись, вытащил из петли палицу, осторожно пристроил ее возле меча и топора.

Ему показалось, что в толпе кто-то хихикнул, но когда оглянулся, лица у всех были торжественными и тревожными. Гойтосир подвел к колоде ребенка, рывком ухватил за мягкие волосенки на затылке. На миг навстречу небу взглянуло белое детское горло, тут же в руке верховного жреца блеснул нож, горячей струей брызнула алая кровь. Цепко держа ребенка одной рукой за плечо, другой за волосы, Гойтосир направил струю крови на оружие троих братьев, окропил щедро, затем, отбросив ненужное тельце, воздел руки к небу с зычным воплем:

– Жертва!.. Вам, боги и прародители!

Ему подвели еще двух, кротких как овечки, тихих и бледных. Уже молча, торопясь, он заколол – дети особо угодная богам жертва. Кровь щедро текла по каменной плите, впитывалась в землю. Гойтосир изрубил жертвенным топором тела на куски, разбросал, щедро разбрызгивая кровь. Подошел Корнило, его острый взор метнулся к братьям. Чех, Лех и Рус медленно выступили вперед.

Гойтосир снова воздел к небу залитые по локоть руки:

– Гой ты еси, великий Скиф!.. Узри и подай знак своему племени!

Все затихли, смотрели в небо. Всего два облачка, оба застыли в безветрии, не двигаются, солнце светит ярко. Синева уже с бледностью, как всегда при переходе к осени. Уже и листья кое-где желтеют, но солнце еще жарит, как в разгаре лета.

– Колоксай! – вскричал Гойтосир. – Солнце! Поддай знак своему потомку – Чеху!

В томительной тиши все ждали. Где-то заплакал ребенок, на него свирепо зашикали. Бабу тут же вытолкали, велели не высовывать рыла из повозки. Гойтосир выждал, побрызгал кровью из чаши на меч среднего брата, вскрикнул еще мощнее:

– Тогда подайте знак отважному Леху, вашему праправнуку!..

Люди едва успели вскинуть головы, как над головами пронеслась, шумно ляпая по воздуху крыльями, серая утка-кряква. Внезапно прямо из солнца, так показалось ослепленным глазам, выметнулся сверкающий оперением белоснежный сокол-сапсан. Прямо над головами он ударил в утку с такой силой, что брызнули серые перья, люди услышали глухой удар, а сокол подхватил добычу крючковатыми лапами и унес, уже работая крыльями неспешно, с ленивой уверенностью.

Одно перо, колыхаясь в воздухе, медленно опустилось на колоду. В толпе пошел оживленный говор. Перо скользнуло по залитому кровью лезвию меча, прилипло. Гойтосир вскинул кулаки, потряс в победном жесте. Гул в толпе стал гуще. Гойтосир повернулся к неподвижным братьям, вскричал ликующе и страшно:

– Жертва принята!

Лех вскричал с такой торопливостью, что голос сорвался на щенячий визг:

– Что?.. Что сказали боги?

Волхв торжественно воздел руки, заговорил громко и властно, но Чех и Рус, зная его хорошо, уловили в голосе волхва нотку удивления:

– Твое... племя... не сгинет!

Вздых облегчения вырвался из груди Леха. Он едва не подпрыгнул, щеки порозовели. Огромные ладони были прижаты к груди, как у ребенка, что выпрашивает лакомство.

– А еще?.. Что еще?

– Боги говорят, – продолжил Гойтосир мощным голосом, дабы услышали все собравшиеся, и голов уже рябило море, – что путь твой будет велик и горд!.. Ты найдешь обетованные земли, где земля настолько жирна, что из нее можно давить масло. Трава там сочная и сладкая, в реках тесно от рыбы, стаи жирных гусей не боятся человека, ибо никогда не зрели людей... Олени будут подходить к вам и брать хлеб из ваших рук, а непуганые птицы садиться вам на плечи.

Народ радостно загудел. Родня Леха кричала и била рукоятями топоров в щиты, дудела в трембиты. Лех слушал в радостном нетерпении и, не выдержав, перебил:

– А люди, люди!.. Что будет с нами?

– Великая дорога, – сказал Гойтосир медленно и торжественно, – великая... Но я говорю не о той, что предстоит проделать верхом на колесах и в повозках. Это закончится скоро. Отныне и навеки! Я говорю о великом пути твоего отряда, что станет племенем, а потом народом... Великим народом!

За очерченным кругом раздались исступленные крики. Измученные люди потрясали оружием, подбрасывали шапки, били рукоятями топоров и палиц в щиты. Хрипло и страшно ревели испуганные шумом волны, ржали кони.

– Мы будем жить, – вскрикнул Лех. – Мы будем жить!

Глаза Гойтосира остро блеснули:

– И не только, Лех. И не только.

Лех дрожал, сердце от волнения едва не разламывало грудь, дыхание вырывалось хрип-лое, горячее. Он переступал с ноги на ногу, надо что-то делать, иначе его разорвет на части.

– Слава богам! – вскрикнул он страстно. – Слава!.. Мы создадим то, о чем мечтает каждый вождь. Мы совершим!.. Мы сделаем! Мы сумеем...

Его трясло, с губ срывались бессвязные слова, крики, бормотание, но Чех и Рус, да и не только они, хорошо знали, что говорит Лех. Каждый вождь или сын вождя, а то и просто

сильный духом мужчина, мечтает взять несколько женщин и уйти на незанятые земли, чтобы там наплодить новое племя, дать им с самого начала свои законы и правила жизни, которые сделают его племя самым великим и славным из всех племен, а потом и из всех народов земли.

Новые народы именно так и возникают, когда какая-то семья бежит от преследований в дремучие леса, непроходимые болота или бескрайние степи, а потом спустя время – кто его считает? – оттуда выходит неведомое племя могучих и свирепых людей, нападает, убивает и захватывает земли, побивает высланные против них отряды и войска, утверждает и расширяет свою власть, и вот уже великие государства в тревоге и страхе шлют посольства, умоляют о дружбе, предлагают царских дочерей в жены и наложницы, а сыновей – в заложники...

Гойтосир повернулся к Чеху и Русу. Узкие губы сжались, он несколько мгновений рассматривал братьев. В толпе стало мертвенно-тихо, каждый затаил дыхание.

– Теперь боги скажут слово Чеху, – изрек Гойтосир медленно. – А что изрекут, того не смогут отменить ни они сами, ни... чужие.

Рус переступал с ноги на ногу. Солнце жгло голову, но между лопатками было холодно, будто приложили лезвие ножа. Среди толпы он постоянно вычленял бледное взволнованное лицо Ис. Она не отрывала от него больших темных глаз, иногда вскидывала руку, пальцы шевелились, и он чувствовал, как от их кончиков струится тепло.

Глава 13

Солнце поднялось в самый зенит, затем неспешно сползло к закату, небо окрасилось в багровые тона, а знака от богов все не было. Вокруг капища уже полыхали костры, люди ставили котлы с водой, жарили мясо, далеко не уходили, ждали.

Чех высился у ограды как свежесотесанный столб из дуба. Недвижимый, широкий, он стоял, сложив могучие руки на груди. Лицо было недвижимым, глаза из-под приспущенных век смотрели прямо. Он выглядел бесстрастным, даже Русу иногда так казалось, но в другие моменты замечал либо напряженные, как для боя, плечи, либо сжатые губы, либо старший брат спохватывался и приклеивал к губам лишнюю сейчас легкую улыбку.

Лех успел несколько раз отлучиться, возвращался чуть хмельной, счастливый, рот до ушей, жадно спрашивал:

– Ну как?

– Никак, – отвечал Рус, а Чех хранил молчание.

– Я сейчас приду, – отвечал Лех и снова исчезал.

Солнце зависло над темным краем земли, Лех прибежал, с разбега налетел на Руса, ухватился, чтобы не упасть:

– Все еще?..

– Все еще, – ответил Рус убито.

Лех стиснул его за плечи:

– Жди. Еще наше счастье не померло. И мы у богов не лишние на свете!

Но голос звучал виновато. Боги уже сказали, что он не лишний. Еще как не лишний!

Рядом раздался шумный вздох. Это Чех, забывшись, на миг расслабил мышцы груди, а в глазах его, устремленных на запад, промелькнуло голодное затравленное выражение. Солнце, главный бог скифов, коснулось темного края, а знамения все нет. Как и Русу. Что хотели сказать боги? Что ему оставаться здесь? На развилке?

Он покосился на Руса. У того лицо вовсе жалкое.

Внезапно не крик, а общий вздох всколыхнул вечерний воздух. Только краешек солнца выглядывал из-за виднокрая, но вдруг оттуда протянулся багровый луч, ударил о лезвие топора с такой силой, что разбрызнулись искры, кроваво-красные, больно ударили по напряженным глазам.

И все увидели, как пурпурный луч, отразившись от лезвия, указал исчезающим в сумерках острием на запад. Прямо вдоль правой дороги.

Гойтосир не успел раскрыть рот, как солнце вспыхнуло напоследок и опустилось, лучик исчез, и лезвие топора снова блестело холодно и загадочно.

– Боги сказали, – выдохнул он с великим облегчением. – Боги указали путь...

Чех развел скованные страхом плечи, вздохнул так, что воздух перед ним пошел коловоротом, закружил листочки. Бледность ушла с лица, он выпрямился во весь исполинский рост уверенного в себе вождя.

– Что ждет меня там?

Голос его прогремел сильно и мощно. Что бы там ни рекли боги, но они откликнулись. Они видят его... и его людей.

Гойтосир воздел руки к небу. Лицо было бледное, с утра на ногах, во рту ни крошки, но губы шептали хвалу богам-прародителям.

– Победа, – сказал он, голос сорвался, и Гойтосир повторил громче: – Победа!!! Да, она будет кровавой, боги это сказали ясно. Но ты приведешь людей в благодатные земли, где воцарится мир и счастье. Кровь будет литься только на кордонах, но не в самом царстве... Да, у тебя

будет великое царство. А люди, что пойдут за тобой, будут зваться чехами! И не запятнают они имени своего, а доблесть и мудрость пронесут в веках.

Чех, всегда могучий, невозмутимый как вол и непоколебимый словно горы, шатнулся. Все видели, как он побледнел, затем вождь на глазах воинов и волхвов рухнул коленями в пыль, воздел руки к небу:

– О, повтори! Повтори, что ты сказал!

В голосе его стоял задушенный крик загнанного зверя, который внезапно увидел надежду на спасение. Народ застыл в благоговейной тиши, чувствовалось присутствие богов. В груди каждого волнение нарастало так бурно, что даже мужчины едва удерживали недвижими лица. Их губы вздрагивали, глаза влажно блеснули, а женщины уже плакали от великого облегчения за их спинами.

– Это не я сказал, – ответил Гойтосир сурово. – Это рекли боги. Быть твоему народу отныне и вовеки. Боги любят семя Пана. Ведь уже две ветви пойдут в рост, дадут новые побеги и семена!.. Скифам быть, не исчезнуть, как уже канули в небытие многие народы, удивлявшие мир могуществом и богатством, мудростью и численностью!

Голос волхва дрожал. На глазах выступили слезы. Чех внезапно заплакал, раскинул руки:

– Род! Отец наш!.. Ты дал мне все... и больше, что может восхотеть человек.

Его подняли под руки, он шатался, губы дрожали, растерянно-счастливая улыбка не покидала его мужественное, а теперь почти детское лицо. Люди всхлипывали, счастливые, на их лицах была любовь к старшему сыну тцара Пана, не по годам взрослому и матерому, взвалившему на свои плечи всю тяжесть Исхода, мужественному, как истинный сын Скифа, и мудрому, как убеленный сединой волхв.

– Чех, – слышались голоса, – ты заслужил!

– А кому ж еще?

– Ты и должен...

– Сверху видно все...

– Боги молчат долго, но правду зрят!

– По правде боги судят, по правде...

И тут, Рус этого никогда не забудет, Чех на вершине счастья и славы внезапно забеспокоился, высвободился из обнимающих рук. На лицо набежала тревога, глаза снова стали привычно озабоченными:

– А что же Рус? Неужто боги забыли о моем младшем брате?

Все повернулись к забытому Русу. Тот стоял несчастный, осунувшийся, словно вылез из холодной воды, губы дрожали. В глазах была мольба.

Гойтосир сказал сухо:

– Боги знают, что делают.

– Но ты истолковываешь их деяния, – сказал Чех настойчиво. – Не может быть, чтобы боги ничего ему не сказали.

– Чех, – сказал Гойтосир предостерегающе. – Пути богов неисповедимы.

– Но ты же стараешься их познать?

– А тебе всегда удается познать людей?

Чех стиснул зубы. Сейчас, когда его судьба наконец решилась, в груди разрасталась нестерпимая боль за младшего. Всегда у него все наперекосяк: под старшими лед только трещал, а под Русом ломался, яблоки падали на Чеха с Лехом, а шишки – на Руса. Но раньше братья были рядом – из полыни вытащат, яблоками поделятся...

Небо быстро темнело, выпали яркие звезды, а за ними споро выступала мелочь, даже не звезды, а так, осколочки, а то и вовсе звездная пыль. Узенький серпик молодой луны едва-едва проглянул из черноты.

Костры взметнулись с новой силой. В огонь швыряли охапки хвороста, что запасли на три ночи вперед. Под веселый треск сучьев зазвенели удалые песни, земля задрожала под ударами тяжелых сапог: танцевали зажигательное коло.

У капища остались только братья, их бояре и богатыри, два волхва да самые любопытные, жаждущие узнать, что же решат братья.

Рус вдруг ощутил в ушах звон, голова стала удивительно легкой, а мир пошатнулся. Перед глазами было темно, ни звезд, ни костров, и страх как раскаленный нож вонзился в сердце: это в нем, это его душа расстается с телом!

Пересилив себя, он тряхнул головой, очищая взор. Тут же со всех сторон в голову ворвался гул голосов, радостные крики, песни, земля гремит и вздрагивает под пляшущими коло. Воздух сухой и горячий, костры трещат повсюду, народ ликует после изнурительного бегства...

В кольце камней одиноко темнела дубовая колода. После того как Лех забрал свой длинный меч, а потом и Чех унес топор, его палица выглядела совсем сиротливо и нелепо. Рус стиснул зубы, повернулся спиной и шагнул прочь. Далеко в свете костра виднелась верхушка его шатра. Там Ис, ее ласковые руки обнимут, утешат...

Он сделал только шаг, когда за плечо ухватила сильная рука. Обернулся, на него в упор смотрела Ис. Ее черные глаза полыхали гневом. Она убрала руку, и Рус невольно посмотрел на свое плечо, то ли проверяя, не остались ли следы от тоненьких и непривычно сильных пальцев, то ли не веря, что это она ухватила с такой силой.

– Рус, – сказала она сдавленным голосом, – что с тобой? Куда собрался?

– Все, – ответил он мертвым голосом, – солнце зашло...

– Ну и что?

– Солнце зашло, – повторил он хрипло. – Гадание закончено.

– Но жизнь не кончена, – возразила она. – Вон взошла луна! Посмотри, сколько звезд!

Небо жутко и загадочно смотрело мириадами огненных глаз. Звезд высыпало, как никогда, много, холодных и горячих, голубых, синих, красных, даже зеленых. Все небо усеяли звезды, Рус ощутил дрожь, ибо все они молча и требовательно смотрели только на него.

– Что я могу? – сказал он в отчаянии.

Она загораживала дорогу, он попробовал ее отстранить, но она лишь качнулась и снова встала на дороге. В темных глазах прыгали искры, по лицу плясали блики от костров. Ее губы были плотно сжаты, как и кулаки.

– Что я могу? – повторил он подавленно. – Ис, все кончено. Все кончено...

– Нет, – сказала она настойчиво. – Надо драться до конца. Надо выжить... А если не хочешь просто выжить, то где же твой девиз умереть красиво? Сейчас никакой красивой смерти не будет. При таком ликовании она пройдет незамеченной. Ты должен что-то делать, Рус!

Он поднял голову. По всему полю полыхали такие костры, словно скифы вознамерились сжечь все деревья, кусты и траву по всему белому свету, а пламенем хотели поджечь небеса. Песни и пляски гремели всюду, то и дело кто-нибудь вскакивал на коня и уносился от восторга в степь, чтобы не топтать копытами народ.

Ее тонкие руки повернули его, он сопротивлялся нехотя, подталкивали в спину. Он сам ощутил, как шаги его становятся шире. Когда в оранжево-красном пламени костров блеснули белые камни ограды, он перемахнул с разбега, пробежал до жертвенного камня, оглянулся.

Ис осталась по ту сторону камней. Женщинам не дозволено входить в капище, но и на таком расстоянии он чувствовал ее любовь, ее боль и тревогу. Бледное лицо было повернуто к нему, а ладони она в немой мольбе и требовании прижала к груди. Вместо глаз он видел только темные впадины на ее лице, но чувствовал, как она следит за каждым его движением.

Стыд и гнев нахлынули с такой мощью, что голова едва не взорвалась от прилива крови. Не помня себя он подхватил с колоды свою боевую палицу, довольно лежать и выпрашивать, вспрыгнул на камень, подошвы чавкнули в пролитой крови жертв.

– Это я, Рус! – вскрикнул он люто.

Страшный нечеловеческий крик пронесся над долиной, разметал высокое пламя костров, заставил коней прижать боязливо уши, а каждый из людей вздрогнул, ощутив присутствие мощи, что выше людской. Все видели, как в самой середине капища, стоя на жертвенном камне, человек в звериной шкуре вскинул руку с зажатой в ладони рукоятью палицы. Подсвеченный снизу багровым пламенем костра, он сам казался богом огня, свирепым и залитым огненной кровью.

Разом стихли песни, умолк топот. Все остолбенело смотрели на него, начали приближаться, как зачарованные взглядом змеи жабы. Остановились вокруг белой ограды из камней, Рус видел одинаковые бледные лица с пляшущими на них красными бликами.

– Я – Рус! – повторил он мощно, но в груди были холод и отчаяние. – Я ваш сын, боги скифов!.. Есть ли у вас что-то для меня? Если не будет знака, то, клянусь, жить мне незачем. Я брошусь на меч, и это будет жертва, чтобы дорога у братьев была гладкой. Но если и моя душа не лишняя на свете – дайте знак!

В мертвой тиши слышно было, как вдали слабо фыркнул конь. В костре за спинами людей лопнул сучок, и сразу трое мужчин подпрыгнули, как испуганные дети. Тишина была как натянутая до предела тетива, как замерший крик на краю пропасти.

Подожли и встали у края ограды Чех и Лех. Мелькнула серебряная голова Гойтосира, бледное лицо было гневным. Он прошел между камнями, шаг его был упруг, посох глубоко вонзался в землю. Глаза не отрывались от Руса, что топтался ногами по ныне священному камню.

Прямо за оградой, поставив ногу на валун, высился Бугай, в красном свете огня особенно страшный и огромный. В трех шагах так же могуче возвышалась Моряна, ее глаза, как Бугая, смотрели с сочувствием. Рядом застыл Буська, кулачки прижал к груди, как Ис, что стояла неподалеку.

Лишь возле нее была пустота, женщины все еще избегали к ней притрагиваться.

Гойтосир крикнул на ходу:

– Слезь!.. Слезай сейчас же!

– Я требую знака, – бросил Рус. В груди была тоска и горечь безнадежности. – Я хочу знать...

Гойтосир подошел вплотную, ухватил за ногу:

– Слезай, пока боги не поразили молнией!

Рус вскинул обе руки, потряс ими, палица выглядела особенно страшной, подсвеченная снизу оранжевым огнем, крикнул в последний раз так страшно, что в горле что-то лопнуло, хлестнуло болью, стало горячо:

– Скиф!.. Я – сын твой!

Палица его тыкалась в небо, задевая звезды, и внезапно там в черноте заблестела звезда, которой раньше не было. Блеск усиливался, на черном небосводе звезда запылала так ярко, что затмевала все созвездие, начала двигаться, все разгораясь, и вот уже страшная хвостатая звезда несется через черное небо, пожирает неподвижные огоньки, поглощает их блеск, за нею тянется расширяющийся след, призрачный и страшный, только самые яркие звезды просвечивают, а эта мчится все быстрее и быстрее, вот уже на середине неба, склоняется ниже, ускоряется, разгораясь до немыслимой яркости – стали видны бледные, как у мертвецов, лица, все смотрели со страхом, – и вот уже устремилась к черной земле...

За виднокраем вспыхнуло, черная полоса на миг озарилась светом. Потом погасло, лишь чуть погода донесся слабый удар, толчок, будто звезда ударилась о камни.

Страшную тишину нарушил чей-то крик:

– На север... Она указала на север!

Гойтосир застыл, посох его без сил уткнулся в землю. За оградой все так же мертвенно белели испуганные и потрясенные лица. Только одно сразу вспыхнуло радостью, а сжатые на груди кулачки опустились.

Рус прыгнул на землю. Его трясло, в горле стало солено, он сглотнул кровь и понял, что, похоже, в ярости и отчаянии порвал внутренние жилы.

– Что вещает... – Он поперхнулся, проглотил боль, упрямо сказал хриплым, сорванным голосом:

– Что вещает эта необычная звезда?

Гойтосир прошептал едва слышно:

– Тебе... на север.

– Это я знаю. Что предрекает? Ты же сказал, что ждет Чеха и Леха?

В молчании Гойтосир попятился. В глазах был ужас. Вытянутая рука упала, он боялся прикоснуться к младшему брату Чеха. Рус, еще не чувствуя беды, пошел к ограде, и народ с той стороны уже шарахнулся в стороны, давая дорогу человеку, который не просил у богов, а требовал.

Рус наконец заметил, что от него отступают, словно он уже проклят богами. Словно от него распространяется смерть. Словно хвостатая звезда означает большую и непоправимую беду.

– Что ждет меня? – закричал он в отчаянии. – Скажи, что ждет... пусть не меня, а тех несчастных, что рискнут пойти со мной?

Все отодвинулись еще. Гойтосир едва выдавил из перехваченного страхом горла:

– Тебе лучше не спрашивать. Наши боги – боги солнца. Мы истолковываем только их волю. А кто указал тебе дорогу?... Мы не знаем. И что тебя ждет, никто не скажет. Твой путь темен, от воли богов не зависит.

А сбоку раздался простуженный голос волхва Корнилы:

– От воли богов, которых знаем.

Гойтосир раздраженно дернул плечом. Широкая ладонь упала на плечо Руса. Голос Чеха сказал тепло:

– Мужайся, брат.

Его почти силой увели бояре, примчался Лех, обнял Руса, тут же исчез, его теперь окружали старшие дружинники, волхвы, все чего-то требовали, протягивали руки, и Рус ощутил себя совсем одиноким и брошенным.

Глава 14

Вернувшись к шатру, он не стал даже входить вовнутрь, опустился на землю у порога. Тут же теплые руки охватили его плечи. Она прижалась сзади, теплая и нежная, тихий голос шепнул в самое ухо:

– Почему ты устранился?

– Звезда, – прошептал он.

– Ты единственный из братьев... а может быть, из всех этих людей, кто любит смотреть на звездное небо. Ты знаешь звезды, как большие и малые, яркие и тусклые. Ты можешь называть их имена и рассказывать о них всю ночь напролет. Так почему же страшишься?

– Наши боги – солнечные боги, – ответил он с упрямой гордостью. – А звезды... это глаза ночи. Враждебной, злой. Ночью боги спят, а чернобоги властвуют над миром. В жизни все можно изменить... но нельзя менять богов!

Он сказал твердо, но внутри его трясло, он стискивал челюсти, чувствовал, что пальцы Ис улавливают, как вздрагивают его плечи.

– Позови Корнилу, – посоветовала она тихо.

– Зачем? Он волхв солнечных богов.

– Я заметила, что Корнило знает больше Гойтосира. Возможно, он знает и то, что богов меняют тоже. Наш народ однажды отказался от всех богов во имя одного, Единого. Ваш народ, как я слышала...

Он смутно удивился:

– От Корнилы?

– Нет-нет, – ответила она поспешно, с испугом, ее сердце заколотилось чаще, он чувствовал, но выспрашивать не стал. – Я... как-то слышала в детстве. В моем племени что-то помнили... Когда-то скифы поменяли богиню воды Дану на богиню огня Табити. А другая часть скифов вместо Даны взяла Апию, богиню земли. И другие народы тоже меняли богов. Просто жрецы, у вас это волхвы, делают вид, что боги всегда были только нынешние. Это важно для устоев да и для себя тоже. Чем больше приносят жертв, тем толще волхвы. Так что... Нет, я не то говорю, прости! Но ваше племя, которое стремится жить красиво, разве может страшиться звезд, которые так красивы?

Рус пробормотал:

– Красивы? Они прекрасны. И в них столько тайны.

– А богов люди меняют, – продолжала она настойчиво, – не из прихоти. И не просто так. А когда на чаше весов: быть народу или не быть. И когда старый бог защитить не может... или не хочет, – ищут нового.

Освещенное лунным светом и пламенем костров его лицо было все таким же мужественным, словно высеченным из гранита, но теперь она знала, сколько страха и смятения таится под гордой оболочкой. Рус смотрел неотрывно на север. Звезды помаргивали, подмигивали. Иные исчезали вовсе, но вскоре искрились и мерцали по-прежнему. Одна звезда неотрывно и упорно смотрела кровавым глазом. В ней чувствовалась недобрая сила.

– Звезда войны, – сказал он почтительно. – Звезда воинской славы, крови, пожаров!.. Веди нас в ночи, как днем ведет всесокрушающее солнце... Ис, нашими богами останутся солнечные боги. Но и с богами ночи мы враждовать... теперь не станем.

Он смутно чувствовал, что намечается какой-то поворот, но выразить в словах не сумел бы даже приблизительно. Это было ощущение зверя, который за десятки верст чувствует, как бескрайняя степь внезапно перейдет в такое же бескрайнее море.

– Пойдем, – сказал он. – Я не могу смотреть на веселье, где я лишний.

В шатре было пусто и сумрачно. Ис зажгла светильник, в воздухе потек горьковатый запах масла и душистых трав. Он без сил и мыслей опустился на ложе. Страстно хотелось снова стать маленьким, укрыться за надежной спиной если не громадного отца, то хотя бы любого из старших братьев.

Ис присела рядом, он по движению ее руки послушно сбросил волчовку и перевернулся на живот. Голос ее прозвучал настойчиво:

– Мужчины все жаждут получить случай показать себя. Вот он! Пользуйся.

Рус прошептал несчастливо:

– Да... но я мечтал получить его чуть позже. Не сейчас. Я не совсем... ну, понимаешь ли...

Она прервала ласково, но он удивился, слыша непривычную для ее журчащего голоса твердость:

– Даже ваши боги дают такой случай только раз в жизни.

Он ошетинился, сразу ощутив враждебность:

– Что ты знаешь про наших богов?

– Рус, все боги посылают человеку случай изменить жизнь... Но одни люди не замечают, другие робеют, отказываются, третьи готовы бы рискнуть, но попозже... Увы, случай дважды в одну и ту же дверь не стучится. Либо утром выйдешь из шатра уверенный и сильный, начнешь отдавать приказы... не важно какие: люди растеряны, подавлены и жаждут сильного пастыря... пастуха, по-вашему, который поведет к спасению... либо на бескнязье встанет кто-то от костра с воинами. Рус! Мужайся. Найди в себе силы.

Он долго лежал молча. Ис разминала ему спину, терла и встряхивала груды мышц, а он все молчал, хмурился, но вдруг она начала замечать, как его тело расслабляется, становится мягче. Спина покраснела, словно бы сердце и печень наконец перестали держать кровь в заточении.

Она услышала долгий вздох:

– Говорят, мужчины в нашем роду взрослеют быстро.

Ее тонкие пальцы скользнули по его мускулистому торсу, а голос задрожал от сдерживаемого смеха:

– Да, я это чувствую.

Степь гремела песнями, плясками. Звонко стучали конские копыта. На всех кострах жарились убитые лани, зайцы, дрофы. Воздух был наполнен бодрящим запахом гари и горячего пепла. Из повозок вытряхивали перепрелые шкуры, лоскутья одеял, все швырялось в очищающий огонь.

Сова пировал со своими людьми, когда неспешно подошел Гойтосир. Постоял, слушая песни, незаметно подал знак, что хотел бы переговорить без посторонних ушей. Сова передал по кругу бурдюк с вином, похлопал одного по плечу, другого шлепнул по спине, с трудом выбрался из развеселого, хохочущего стада, наступая на руки и ноги:

– Я скоро вернусь. Чтобы к моему возвращению здесь было пусто!

Хохоча, заверили, что и бурдюк сгрызут, что-то орали еще, но Сова уже не слышал, уходил вслед за верховным волхвом. Тот постукивал посохом, шагал медленно, зорко посматривал на пирующих. Веселились даже женщины и дети, каждый словно стряхнул с плеч тяжести и тревоги. Кое-где с визгом прыгали через костры, огонь задирал девкам подолы, высвечивал голые ноги до самых ягодиц. Прыгали и взявшись за руки, скрепляя союзы и дружбу, прыгали с воплями и песнями, на углях пеклись последние ломти мяса: завтра боги дадут день – дадут и добычу.

Сова чувствовал, что старый волхв оглядывает его придирчиво, нарочито молчит, вызывая на разговор, расспросы, но смолчал намеренно, только оглянулся на костер со своими людьми: не пора ли, мол, возвращаться.

Гойтосир сказал негромко:

– Ты окреп и оброс мясом... Верно ли говорят, что ты однажды был воеводой?

– Было дело, – ответил Сова сдержанно.

– Гм, – проронил волхв словно бы в задумчивости. – Что-то в тебе есть от вожака... Люди тебя слушаются. Даже наши.

– Когда как.

– Ладно-ладно. Ты видел, что выпало братьям?

Сова кивнул. Гойтосир помолчал, оба смотрели на море костров. Вся ночная долина расцвечена оранжевыми и красными огнями. Песни уже несутся отовсюду, и как бы ни устали после похода, но все пляшут, прыгают, веселятся, борются на руках и поясах.

– Что тебе велено сказать, – проронил Сова, – говори.

Гойтосир удивился:

– Мне? Велено? Я говорю от себя. Ты ведь тоже отдаешь наказы от себя, когда видишь, что так правильно? Племя разделилось, большая часть уходит с Чехом. С ним идут самые знающие, матерые, умелые. С ним уходят все волхвы.

Сова посмотрел в лицо старого волхва:

– И что же?

– Ты волен пойти с нами, – сказал Гойтосир неспешно. – Сильные да умелые нужны везде. Мы здесь перемешались, а на новых землях никто и не вспомнит, что ты и твои друзья – беглые из каменоломен. Все мы вольные скифы, все имеем право на счастье.

Возле ближайшего костра возникла возня, кто-то швырнул в огонь целую вязанку хвороста. Пламя на миг погасло, но вскоре взметнулось к небу, высокое и ревущее. Светлый в ночи дым победно понесся к звездам. Весь небосвод был устлан острыми немигающими глазами.

– Спасибо, – ответил Сова. – В самом деле, спасибо.

– Сказать, что идешь с нами?

– Ты знаешь, что я отвечу.

Гойтосир кивнул:

– Знаю.

– Так зачем же?

– Чтобы у тебя был выбор.

Сова покачал головой:

– Спасибо, что позвали. Понятно, я с Русом. И, я уверен, все беглые.

Гойтосир помолчал, а когда заговорил, в голосе было осуждение:

– Обижен? А разве Чех велел неверно? Если ты в самом деле был воеводой, то как бы поступил?

Сова подумал, повел плечами:

– Ты прав. Я тоже велел бы беглых оставить подыхать. А то и сам бы порубил их, ибо преступившие закон – есть преступившие, и жить им среди людей нездорово. Но кто спорит, что Чех лучший вождь, чем Рус?.. Однако пойдем за Русом потому, что теперь можем отплатить ему той же монетой.

– Вы попросту все сгинете, – сказал Гойтосир с неудовольствием.

– Да, но сперва сгинем мы, а Рус... Он успеет увидеть, что мы платим должок.

Гойтосир молчал, и Сова понял, что волхв больше ничего не спросит. Даже убийца и насильник, что вырвет кусок хлеба у нищего, ревностно блюдет мужской долг чести. Рус спас их от смерти, теперь их жизни принадлежат ему. Он сам никогда об этом не заикнется, иначе он стал бы не мужчиной, но они помнят сами, ибо тоже перестанут быть мужчинами, если забудут

или сделают вид, что забыли. Человек живет недолго, а честь или его бесчестье переживают века, от позора он там переворачивается в могиле, а его дети клянут опозорившего род отца.

По ту сторону полога была пляска огней, пылающих факелов, топот ног, веселые вопли, смех, звучные шлепки по голым плечам и спинам. Пахло сладковатым дымом множества костров, пережаренного мяса, мужского пота.

В шатре же воздух был спертым, душным, жарким, но Рус все лежал, уставившись недвижимым взором вверх, где на толстом шесте было укреплено полотно шатра. Все же лучше обливаться потом, чем быть чужим на развеселом празднике, где его самого обделили.

Ис держалась тихо, как мышь. Ее ласковые сильные пальцы терли ему затылок, разминали спину, но губы разомкнула лишь далеко за полночь:

– Скоро утро. Тебе стоило бы выйти к костру. Все равно не спишь.

– Не хочу, – пробормотал он.

– От себя не скроешься, Рус. Костер в трех шагах от шатра. Там только твои друзья. Ты оскорбишь их, если не выйдешь.

Он покачал головой:

– Пусть зайдут сами.

– Нет, – сказала она непреклонно, – они не зайдут. Но костер совсем рядом. И там только твои друзья. Их немного, но они – друзья!

Она настойчиво теребила, подталкивала, тащила, и он в конце концов поднялся, качнулся к выходу. Лишь перед пологом заставил себя выпрямить спину, надел беспечную улыбку и отбросил полог в сторону.

Воздух показался чист и свеж, хотя сильно пахло разогретой смолой, горящим деревом, а ноги плясунов поднимали тучи пепла. Костры полыхали всюду, а возле ближайшего сидели люди, которые не пели и даже не пили. Негромко беседовали, но когда появился Рус, разговоры умолкли. Он ощутил себя на перекрестье взглядов. Потом один из мужчин, Бугай, приветственно помахал рукой:

– Рус! Не спишь? Посиди с нами.

Вся степь была в огнях. Люди переходили от костра к костру, разговаривали, спорили, смеялись. Доносились взрывы хохота. Мелькали силуэты пляшущих. Среди поющих Рус узнал и звонкий голос Баюна. В красноватом свете Рус видел движущиеся фигуры танцоров коло, земля ритмично вздрагивала.

Перед шатром Руса полыхал костер. Подле огня сидели Сова, Буська, Моряна, Бугай. Все хмуро молчали, переглядывались искоса. Рус тоже сел молча, тупо смотрел в пляшущее пламя. Похоже, огонь тоже ликует, что уйдет с Чехом или Лехом.

Послышались шаги, из красного воздуха вынырнул Ерш. Бугай протянул ему бурдюк. Ерш отмахнулся:

– Уже из ушей льется.

Рус угрюмо смотрел, как дружинник сел между Бугаем и Совой, тупо удивляясь, почему эти люди сидят с ним, а не с его старшими братьями. Спросил сумрачно:

– Что там?

– Рус, – ответил Ерш, лицо его было, как никогда, серьезно, и эта серьезность послала дрожь по спине Руса, – тебе лучше не знать.

– Так плохо?

– Могло быть и хуже, да дальше уже некуда.

– Волхвы ничего не сказали о... предначертании мне?

У костра напряженно прислушивались к их разговору. Из шумного стана долетали веселые вопли, обрывки песен. Ерш все-таки взял у Бугая мех, но пить не стал, подержал и передал Сове:

– Похоже, сами боятся о нем говорить. Да и все племя уже в нетерпении. Слышишь, как скачут? Гойтосир наобещал молочные реки в кисельных берегах! Только и раздумий, с кем идти. И тому и другому земля дадена богатая и жирная, дичи видимо-невидимо, а рыбы немерено. Леху предначертана долгая дорога побед и славы, а Чеху – кровавая междоусобица, за которой последует тысячелетнее царство мира и покоя. Вот и ломают голову, что выбрать!

Костер потрескивал, взлетали искорки. Багровые языки пламени плясали на суровых лицах, будто вырезанных из камня. Рус спросил после молчания:

– А что говорят боги мне?

– Ничего.

– Совсем?

– Вроде даже боятся. Да и до того ли? Ясно, что с тобой идти некому.

Со стороны людей Леха взревела трубы. С пьяным хохотом целая толпа пустилась в пляс. Багровые языки пламени выхватывали из черноты ночи нелепо скачущие фигуры.

– Некому... – прошептал Рус убито.

Слева он ощутил горячее плечо Ис, а справа его толкнул Сова. Моряна громко фыркнула.

– Ты не один, – сказал Сова серьезно. – Великий народ может стать даже из единой пары людей. А с тобой идут по крайней мере две женщины, Ис и Моряна. Да Заринка тебе предана, она любит тебя. Чеха и Леха тоже любит, но их больше уважает, чем любит. Зато за тобой пойдет, куда поведешь.

А Ерш сказал чересчур серьезно:

– Мы с Совой поможем тебе создавать новое племя. Я буду трудиться дни и ночи в поте лица своего, а Сова обещал подле нас факел держать...

Сова зарычал, Ерш с притворным испугом спрятался за спину Моряны.

Рус поинтересовался сдержанно:

– Сова, ты со мной?

– Мог бы не спрашивать, – ответил Сова осуждающе.

В голосе бывшего воеводы прозвучало раздраженное высокомерие. Как можно усомниться в его верности долгу чести? Но Рус уловил, как в душе просыпается несвойственная ему ранее подозрительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.